

НИК. СУХАНОВЪ.

НАШИ ЛЪВВЯ ГРУППЫ И ВОЙНА.

2-ое издание.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

НИК. СУХАНОВЪ.

НУК

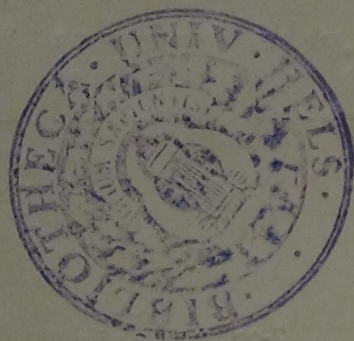
НАШИ ЛѢВЫЯ ГРУППЫ И ВОЙНА.

2-ое изданіе.

Мотивы «пріятія» войны лѣвыми группами. — Сокрушеніе германскаго милитаризма и «война за миръ». — «Завоеваніе» Европы и политическая гегемонія Германіи. — Освобожденіе малыхъ народовъ. — «Славянская идея». — Экономическое за- силье. — Германскіе капиталы въ Россіи. — Торговая политика и «выгодный» торговый договоръ. — Промышленный импортъ и сел.-хоз. экспортъ. — Вывозныя свидѣтельства и синдикатскія преміи. — Экономическій имперіализмъ и «задачи на ближнемъ востокѣ».

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Мѣсяць, протекшій со времени выхода пер-
ваго изданія, не внесъ никакихъ измѣненій въ
условія нашей общественной жизни и въ поло-
женіе печати. Поэтому, къ крайнему сожалѣнію,
я принужденъ выпустить второе изданіе почти
безъ перемѣнъ, сохранивъ всѣ неточности, не-
договоренности и, съ другой стороны, длинноты,
которыми изобилуетъ брошюра и которыя уже
дали обильную пищу нѣкоторымъ, особо добро-
совѣстнымъ, рецензентамъ.

Авторъ.

Война есть методъ, способъ, средство достиженія опредѣленныхъ условій національно-государственной жизни. Средство въ высшей степени тяжелое,—чрезвычайное, крайнее средство. Война есть бѣдствіе и зло, она влечетъ за собой непчислимья жертвы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что всѣ бѣдствія и жертвы должны окупиться осуществленіемъ тѣхъ задачъ, тѣхъ высшихъ цѣлей, во имя которыхъ война предпринята.

Какія же цѣли преслѣдуетъ Россія въ настоящей войнѣ? Точнѣе—какъ понимаются онѣ нашимъ „общественнымъ мнѣніемъ“?

Тѣ группы, которыя въ военную эпоху имѣли отверзтыи уста, говорили не иначе, какъ отъ имени націи. Какія же задачи онѣ приписывали народу и государству въ вооруженной борьбѣ съ германскимъ міромъ? Во имя чего Россія, въ ихъ представленіи, приноситъ и должна приносить безчисленныя военныя жертвы? „Пріемля“ войну, какъ мотивируютъ, какъ обосновываютъ наши общественныя группы свое „пріятіе“ со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями?

Вполнѣ естественно, что насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, позиціи „прогрессивныхъ“ (или „оппозиціонныхъ“) группъ. Всѣмъ извѣстно, что до войны „лѣвые“ элементы во всѣхъ странахъ были убѣжденными антимилитаристами. Правда, они отнюдь не отрицали принципа національной обороны. Но они всегда боролись противъ милитаризаціи бюджета, противъ роста „непроизводительныхъ“ затратъ на армію и флотъ;

и во всякомъ случаѣ они всегда протестовали противъ войны, какъ средства разрѣшенія международныхъ споровъ и достиженія какихъ-либо активныхъ „національныхъ задачъ“. Было время, когда изъ этихъ же (либеральныхъ) круговъ исходила и лживая и неумная игра въ банкетный „пацифизмъ“, топившая крупницы истиннаго пониманія дѣла въ морѣ „хорошихъ“ словъ.

Нынѣ самый фактъ міровой войны произвелъ коренной переворотъ въ умахъ и позиціяхъ нашихъ либераловъ. Всѣ признаки, всѣ элементы былой „пацифистской“ идеологии провалились сквозь землю. О нихъ не только не вспоминаютъ, но и не подозрѣваютъ самой возможности ихъ существованія въ эпоху торжества свирѣпаго Марса: нынѣ всѣ „пацифистскія“ стремленія, откуда бы они ни исходили, разсматриваются не иначе, какъ провокація. Такъ, борьбу огромной части германской социалъдемократіи и германскаго пролетаріата за прекращеніе войны, кадетскій офиціозъ, газета „Рѣчь“, безъ колебаній приравняла къ провокаціонной дѣятельности заграничныхъ агентовъ Бетмана - Гольвега.—Поскольку наши либеральныя группы стремятся воплотить принципъ національной обороны, все это можно считать въ порядкѣ вещей. Но дѣло радикально мѣняется, если войнѣ стремятся приписать тѣ или инныя активныя задачи. Въ этомъ случаѣ—міровая катастрофа либо произвела чрезвычайную передрагу въ „лѣвыхъ“ головахъ, либо сорвала съ нихъ маски. Понятно, что попытки либераловъ и демократовъ объяснить этотъ переворотъ, попытки обосновать свое „пріятіе“ войны, свое пониманіе „нашихъ національныхъ задачъ“, свое участіе въ ихъ рѣшеніи вооруженной силой—представляютъ для насъ первостепенный интересъ.

Къ сожалѣнію, въ литературѣ, посвященной войнѣ, мы не могли бы указать ни одного произведенія, въ

которомъ цѣликомъ излагалась бы „военная“ система какой либо либеральной или демократической группы. Сообразно своимъ специальностямъ, умонастроеніямъ и интересамъ, одни авторы обосновываютъ свое „пріятіе“ съ одной точки зрѣнія, другіе—съ другой. „Пацифистски“ настроенные либеральные политики, философы и экономисты, застигнутые войною врасплохъ, принялись „оправдывать“ ее весьма усердно, но бессистемно — кто во что гораздъ. Дальше мы увидимъ, что въ процесѣ дѣды у нихъ, какъ водится, появился очень недурной аппетитъ. А такъ какъ для аргументаціи оставался большой просторъ, и въ случаѣ отсутствія аргументовъ было необходимо ихъ выдумывать, то дѣло дошло до того, что либеральные публицисты нерѣдко стали вѣдавать за объективныя цѣли войны свои собственныя дотолѣ затаенныя желанія и завѣтныя мечты. Эта усердная патріотическая работа выразилась въ длинной вереницѣ брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей, представляющихъ собой своего рода „монографіи“, которыя уже намъ самимъ придется расположить въ нѣкоторую систему.

Конечно, мы не задаемся цѣлью исчерпать и использовать здѣсь сколько-нибудь полно весь наличный матеріалъ. Матеріалъ этотъ заслуживаетъ детальной разработки; и со временемъ мы, несомнѣнно, будемъ имѣть не одно изслѣдованіе, посвященное русскому обществу въ эпоху великой войны. Но сейчасъ мы можемъ коснуться лишь нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктовъ системы „оправданія войны“ и обозрѣть наличный матеріалъ лишь въ самыхъ общихъ и грубыхъ чертахъ.

* * *

Какъ только война стала фактомъ, цѣли ея были указаны въ слѣдующихъ словахъ Высочайшаго Манифеста: „нынѣ предстоитъ заступаться за несправедливо обиженную

родственную страну" (Сербию) и „оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные наши подданные“. „Видитъ Господь—заключалъ второй Высочайшій Манифестъ (по случаю объявленія войны Австріей),—что не ради воинственныхъ явленій войны Австріей,—что не ради воинственныхъ замысловъ и суетной мірской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло“. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ говорилъ предсѣдатель Гос. Думы въ историческомъ засѣданіи 26 іюля 1914 г.: „Мы всѣ хорошо знаемъ, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ было угодно втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства“.

Каковы бы ни были общія причины войны,—столкновение „мировъ“, расъ, культуръ, династій, капиталовъ,—во всякомъ случаѣ задачи Россіи въ приведенныхъ словахъ указаны вполне ясно и точно. Задачи эти—чисто оборонительныя, въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Цѣль Россіи—защита status quo, территориальнаго, международно-политическаго и эконоическаго, какъ для нашей имперіи, такъ и для родственной Сербіи. Никакихъ особыхъ національныхъ задачъ, которыя мы, поднимая оружие, активно, по нашей собственной инициативѣ, стремились бы разрѣшить методомъ войны, въ цитированныхъ официальныхъ документахъ не указано.

Точно такъ же на первыхъ порахъ восприняло войну и „общественное мнѣніе“, поскольку оно выразилось въ органахъ печати, сохранившихся при новомъ положеніи. Правда, печатью того времени всецѣло владѣлъ патріо-

тическій пафосъ, энтузіазмъ, негодование, за которыми еще нельзя было уловить нотъ, такъ сказать, теоретическаго значенія. Г. Пуришкевичъ былъ тогда крайне близокъ къ истинѣ, когда, раздавая въ арміи „Русское Слово“, говорилъ, что вся наличная печать — „теперь одного направленія“. Слова выражали тогда одни чувства, а не мысли. Но въ первые дни за фейерверкомъ словъ все же проглядывало очертаніе именно той „оборонительной“ формулы, которая была приведена выше: на насъ напали — мы должны защищаться, пока послѣдній врагъ не оставитъ нашу территорію; мы должны сохранить цѣлость Россіи и ея status quo ante bellum,—въ этомъ была наша національная задача, наше достоинство и честь.

Казалось бы, все это не только ясно и бесспорно для каждаго патріота, но и вполне достаточно для „оправданія“, для пріятія войны либерализмомъ и всѣми „лѣвыми“ группами, не порвавшими съ идеей обороны. Мало того, для самихъ дѣйствующихъ массъ эти положенія, при ихъ простотѣ и элементарности, способны имѣть максимальную агитаціонную цѣнность. Дальше этихъ положеній, повидимому, не пойдеть мысль рядового участника событій; и, казалось бы, дальше идти ей и незачѣмъ. Въ плоскости національнаго государственнаго мышленія, приведенныя слова Высочайшаго Манифеста даютъ войнѣ совершенно законченное и исчерпывающее объясненіе ¹⁾. И задача нашихъ патріотическихъ либеральныхъ публицистовъ состояла, казалось бы, именно въ томъ, чтобы концентрировать вниманіе массъ на идеѣ національной обороны, охраны цѣлости и нераздѣльности имперіи, защиты политиче-

¹⁾ Национально-государственную позицію, въ отличіе отъ интернаціонально-классовой, свойственной старому «Интернаціоналу», мы довольно подробно разсмотрѣли въ № 4 «Современника» за 1915 г., ст. «Переваль».

скаго, экономического и международного status quo. Это был бы путь наиболее правильный—не только потому, что все перечисленные понятия суть послѣдняя инстанція, противъ которой нельзя найти никакихъ аргументовъ въ сферѣ національно-государственныхъ идей; не только потому, что понятия эти суть линія наименьшаго сопротивленія въ психологiи массъ и, идя по ней, можно достигнуть максимальныхъ агитаціонныхъ результатовъ; но и потому, что ограничиваясь „оборонительной“ аргументаціей, наши либеральныя группы не проявили бы того совершенно исключительнаго отрѣшенія отъ чувства отвѣтственности за свое слово и дѣло, которымъ характеризуются ихъ „военныя“ выступленія. Сами лѣвые публицисты, бросааясь отъ одного аргумента къ другому, не обнаружили бы полного банкротства передъ лицомъ истины и здраваго смысла; родинѣ же и войнѣ, въ глазахъ народныхъ массъ, они не стали бы навязывать тѣхъ неосуществимыхъ цѣлей, какія каждому изъ нихъ было угодно на досугѣ измыслить.

Однако, въ указанныхъ предѣлахъ идеологія войны долго удержаться не могла. Вскорѣ началась теоретическая работа. И задачи войны, въ глазахъ печати, стали—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—выходить за предѣлы, очерченные словами Высочайшаго Манифеста.

Прежде всего, пафосъ и негодованіе противъ врага, естественно, привели къ всесторонней характеристикѣ „нѣмца“,—къ оцѣнкѣ (и понятно—какой оцѣнкѣ) его государственности, культуры, „національнаго духа“. Въ результатъ—идеологія войны стала быстро углубляться. Война оставалась оборонительной, но оборонительность уже стала пониматься въ широкомъ, распространительномъ смыслѣ слова. Рѣчи шли уже не о защитѣ отъ даннаго нападенія, а о защитѣ себя и всего міра отъ особыхъ агрессивныхъ свойствъ германской

государственности, экономики и культуры. Рѣчи шли о защитѣ отъ „германизма“, отъ покушеній Вильгельма завоевать своей странѣ мировую гегемонію. Для характеристики же грозящей опасности матеріаль обильно черпался изъ области „нѣмецкихъ звѣрствъ“, открывшихся при первыхъ шагахъ войны.

Ясно, что это углубленіе понятія обороны имѣло большое практическое значеніе. Оборона стала понятіемъ въ высшей степени активнымъ и при томъ только политическимъ, но уже ни въ какой мѣрѣ не стратегическимъ. Если дѣло идетъ не о status quo, не о защитѣ границъ, а о защитѣ отъ германской опасности, о сокращеніи германскаго милитаризма, о ликвидаціи вѣчной угрозы европейскому міру,—то понятіе политической обороны еще остается въ силѣ, но грань между оборонительной и наступательной войной совершенно стирается. Ибо какъ достигнуть свободы Европы и вѣчнаго міра? На это отвѣчали, напр., такъ: Австрія должна быть изъята изъ карты Европы, и Германія, какъ великая держава, должна перестать существовать. По существу это, если угодно, можетъ быть и обороной, но эта оборона требуетъ рѣшительнаго стратегическаго наступленія. „Меня заставляютъ завоевывать,—говорилъ Наполеонъ,—я завоевываю защищаясь“.

Одновременно съ разработкой понятія защиты отъ угрожающаго германскаго владычества и милитаризма, печать добросовѣстно трудилась надъ выясненіемъ того, какихъ предѣловъ господства Германія уже достигла въ Россіи. Раньше, до войны, этимъ вопросомъ у насъ никто не занимался (кромѣ очень тѣсныхъ особо заинтересованныхъ круговъ). Теперь же оказалось, что наша терпимость и наша безпечность дали самые печальные плоды. Нѣмецкое засилье оказалось чрезвычайнымъ во всѣхъ областяхъ русской жизни. Объ экономикѣ нечего и говорить; засилье здѣсь идетъ по

всѣмъ статьямъ, и Германія выжимаетъ изъ насъ всѣ соки. Но и въ политикѣ, въ исторіи нашей реакціи, въ нашихъ политическихъ неурядицахъ—нѣмецъ, оказывается, игралъ огромную роль, о которой мы раньше и не подозревали. Да и не только въ политическихъ, но и во всякихъ другихъ неурядицахъ—во всемъ, чѣмъ страшна, безмысленна и нетолкова наша жизнь. Мудрено ли, что для картинности и свободы языка у насъ, одновременно справа и слѣва, было изобрѣтено особое понятіе „внутренняго нѣмца“, виновника всего, что намъ не нравится. Матеріала о нѣмецкомъ засильѣ, стараніями газетъ, было за нѣсколько мѣсяцевъ собрано столько, что російскіе либералы, а также и многіе демократы—отнынѣ по гробъ жизни будутъ раскаиваться въ своемъ прежнемъ почтительномъ отношеніи къ „германизму“, въ своемъ прежнемъ миролюбіи и въ бывшихъ антимилитаристскихъ тенденціяхъ.

А если нѣмецкое засилье, нѣмецкое владычество есть уже совершившійся фактъ, то дѣло не только въ оборонѣ отъ грядущихъ опасностей, но и въ освобожденіи отъ наличнаго зла.—Такъ война, въ толкованіи „патріотической“ прессы, превращается изъ оборонительной въ освободительную. Здѣсь идеологія войны уже и не вспоминаетъ *ostatus quo*; какъ цѣль вооруженной борьбы, тутъ выдвигается достиженіе извѣстныхъ нормъ, болѣе благоприятныхъ для внутренняго развитія Россіи, чѣмъ нормы, существовавшія до войны. Рѣчь идетъ уже не о защитѣ отъ нападенія, не объ обезпеченіи мира и *status quo* на вѣчныя времена, а о достиженіи извѣстныхъ идеаловъ въ области нашихъ внутреннихъ отношеній, о нашемъ государственномъ „раскрѣпощеніи“.

Однако, и на этомъ идеологія войны остановиться не могла. Внутреннія освободительныя (отъ нѣмца) задачи не могли не осложниться задачами въ области

міровой политики. Отношенія Россіи къ Сербіи, возвращеніе къ полякамъ Верховнаго Главнокомандующаго, успѣхи русскихъ войскъ въ Галиціи—давали поводъ распространять освободительную миссію войны съ самыхъ себя на другіе народы, страдающіе подъ чужеземнымъ игомъ. Въ этихъ освободительныхъ задачахъ многіе стали видѣть основной смыслъ войны. Выступленіе же Турціи снова расширило горизонты нашихъ либеральныхъ публицистовъ и политиковъ; открытіе турецкаго „наслѣдства“ помимо „идеалистическихъ“ міровыхъ задачъ войны, поставило на очередь обсужденіе „нашихъ реальныхъ интересовъ“ въ міровой политикѣ; оно развязало языки по вопросу о нашихъ „національныхъ задачахъ“ на ближнемъ востокѣ и позволило нашимъ либераль-империалистамъ поставить, наконецъ, всѣ точки надъ і.

Вся эта разработка идеологіи войны была закончена уже въ первое ея полугодіе. Насколько достигла цѣли, насколько удачна по существу была эта работа—мы посмотримъ дальше. Но всѣ ея этапы уже были пройдены ко времени второй „военной“ сессіи Государственной Думы (27 января 1915 г.), когда г. Родзянко, въ отличіе отъ своей первой рѣчи, формулировалъ смыслъ войны слѣдующими словами: „Оздоровленный народный духъ усилилъ мощь народнаго самосознанія (?) и ясное пониманіе имъ своей исторической задачи. И въ простотѣ чистой и вѣрующей души своей поднялся русскій людъ до величайшаго героизма и самозабвенія. Съ крестомъ въ груди и въ сердцѣ, по призыву своего царя, не дрогнувъ передъ врагомъ, сознательно выполнить оныя царскій завѣтъ и откроетъ Россіи пути къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками задачъ на берегахъ Чернаго моря и устранить вѣчную угрозу нѣмецкихъ державъ общему миру и спокойствію“.

Слѣдующій ораторъ 27-го января, предсѣдатель со-

вѣта министровъ, не ограничить, а углубить рѣчь г. Родзянко, подтвердивъ, что „все отчетливѣе обрисовывается передъ нами свѣтлое историческое будущее Россіи—тамъ, на берегахъ Чернаго моря, у стѣнъ Царьграда“.

Какъ видимъ, понятіе освободительной войны уже явно не охватываетъ всѣхъ тѣхъ задачъ, какія приписываются ей нѣкоторыми общественными группами.

Намъ предстоитъ сейчасъ пробѣжать по всей лѣстницѣ аргументовъ, составляющихъ въ своей совокупности систему „оправданія войны“ нашимъ либерализмомъ. Намъ, очевидно, не удастся пересчитать всѣ ступени этой довольно длинной лѣстницы. Но все же мы постараемся остановиться хотя бы на каждой площадкѣ, на каждой узловой станціи,—постараемся отмѣтить каждую группу мотивовъ либерально-демократическаго „пріятія“ войны, отдать дань каждой „военной“ идеѣ, породившей свой циклъ аргументовъ.

Въ общемъ мы видѣли, что эта аргументація разрабатывается въ двухъ направленіяхъ—по линіи „духовнаго смысла“ и по линіи „матеріальныхъ“ задачъ войны. Правда, строгаго дѣленія тутъ провести нельзя: во-первыхъ, найдутся мотивы, взрощенные на нейтральной почвѣ, а во-вторыхъ—поскребите Довъ-Кихота изъ „Рѣчи“ и „Русской Мысли“ и вы нерѣдко докопаетесь до благородныхъ чертъ курскаго зубра и до образины Китъ-Китыча. Слова вѣдь даны для того, чтобы скрывать мысли. Но для насъ, при изученіи либеральной „военной“ системы, дѣло не столько въ мысляхъ сколько именно въ словахъ. Задача наша состоитъ именно въ томъ, чтобы докопаться до настоящаго смысла хорошихъ либеральныхъ словъ, которыя монополично говорятся отъ имени націи. Поэтому, въ общемъ мы будемъ придерживаться именно указанной схемы изло-

женія: сначала взглянемъ на либеральныя представленія въ области „духовнаго смысла“, а затѣмъ въ области „матеріальнаго“ смысла войны.

* * *

Въ годовщину войны по всей Англійи происходили митинги и принимались резолюціи; въ нихъ выражалось, между прочимъ, „непреклонное рѣшеніе продолжать до побѣдоноснаго конца борьбу и защиту тѣхъ идеаловъ свободы и справедливости, которые являются общимъ и священнымъ дѣломъ всѣхъ союзниковъ“. Въ этихъ словахъ, если угодно, уже заключается указаніе на смыслъ войны. Но ясно, что, подписавшись подъ нимъ, мы никакъ не могли бы имъ ограничиться. На митингахъ, послѣ рѣчей, апеллирующихъ къ чувствамъ слушателей, этого указанія, можетъ быть, и достаточно. Но мы, апеллируя къ логикѣ и фактамъ, конечно, должны признать его слишкомъ общимъ и слишкомъ мало содержательнымъ. Этимъ его свойствомъ пользуется и другая воюющая сторона, также говоря о правѣ, объ идеалахъ свободы и справедливости.

Поставивъ себѣ цѣлью выяснитъ конкретный смыслъ войны въ представленіи нашихъ либераловъ, мы должны обратиться къ болѣе дѣловой и содержательной оцѣнкѣ значенія происходящихъ событій. Въ общихъ формулахъ мы должны отыскать указанія на конкретныя задачи войны.

Важнымъ пунктомъ обычныхъ либеральныхъ декларацій является—необходимость борьбы „до конца“ съ германской политической и экономической гегемоніей. Эта борьба имѣетъ „духовный“ смыслъ, поскольку рѣчь идетъ о гегемоніи политической, при которой „быть бы невозможенъ въ Европѣ политическій и куль-

турный прогрессъ на началахъ свободы и права“¹⁾. Вопросъ ставится о защитѣ отъ Германіи національной государственности и національной культуры европейскихъ народовъ. Это аргументъ, конечно, весьма серьезный, и мы должны очень пожалѣть о томъ, что когда мы обратимся къ его оцѣнкѣ, мы будемъ лишены всякой возможности исчерпать этотъ вопросъ до конца.

Однако, чаще выставляютъ Германію не въ видѣ возможнаго гегемона, а просто въ видѣ „вѣчной угрозы европейскому міру“, въ видѣ сильнаго, но безпокойнаго сосѣда, вооруженнаго „до зубовъ“ и готовяго въ любой моментъ броситься на ту добычу, которая болѣе или менѣе плохо лежитъ. И выводы отсюда—не столько борьба за національныя цѣнности Европы, сколько необходимость сокрушенія германскаго милитаризма, для обезпеченія вѣчнаго мира.— Мы въ первую голову и обратимся къ двумъ этимъ пунктамъ.

Въ началѣ войны лозунгъ „долой германскій милитаризмъ“ приобрѣлъ чрезвычайную популярность. Имъ пестрила любая—газетная, журнальная, книжная—страница, изготовленная въ первые 3—4 мѣсяца войны. Нетрезвыя головы, особенно „лѣвыя“, забывъ всю свою старую науку, приписали военный взрывъ особенно-стямъ германской политической системы; а вмѣстѣ съ тѣмъ, извращая всѣ перспективы, онѣ взялись ликвидировать милитаризмъ путемъ военнаго разгрома Германіи. Вспомнимъ, напр., о воззваніи французскихъ социалистовъ къ рабочимъ, своевременно перепечатанномъ въ русской прессѣ (въ передачѣ П. Т. А.). „Мы, социалисты,—говорилось въ этомъ воззваніи,—знаемъ, за что мы боремся. Мы боремся за то, чтобы... прусскій

¹⁾ См. одну изъ краснорѣчивѣйшихъ декларацій такого рода—ст. проф. Кокошкина въ № 135 «Рус. Вѣдомостей» за 1915 г. «Организація побѣды».

милитаризмъ пересталъ угнетать свободное развитіе націи, чтобы эта война была послѣдней, и чтобы миръ, не лживый вооруженный миръ, но истинный миръ между свободными народами воцарился въ Европѣ,... чтобы рабочіе, выносящіе на своихъ плечахъ все бремя вооруженій, могли бы, наконецъ, вздохнуть свободно, и за то, чтобы въ мірѣ появилась, наконецъ, справедливость, и чтобы наши внуки могли не опасаться возвращенія насилія и варварства“ (П. Т. А., отъ 14 дек. 1914 г.).

Болѣе правые элементы вообще смотрятъ на сущность милитаризма гораздо болѣе правильно; они всегда были полны презрѣнія къ „пацифистскимъ“ утопіямъ либераловъ, говоря, что войны связаны съ самыми основами существующаго общественнаго порядка, и милитаризмъ не исчезнетъ, „пока существуетъ міръ“. Такого рода отрезвленіе, послѣ первыхъ мѣсяцевъ угара, испытали и лѣвые. Лозунгъ борьбы съ „германскимъ милитаризмомъ“ быстро померкъ и увялъ до расцвѣта—не успѣвъ получить сколько-нибудь прочнаго теоретическаго обоснованія. Теперь къ нему, какъ къ мотиву „пріятія“ войны, обращаются уже настолько рѣдко, что намъ въ сущности нѣтъ нужды удѣлять ему много вниманія.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было удержаться этому лозунгу?.. Вотъ что проповѣдуетъ, напр., руководящій органъ французскаго крупнаго капитала („Temps“) въ своихъ непрестанныхъ заботахъ объ отрезвленіи горячихъ лѣвыхъ головъ: „Поистинѣ странно, что социалисты, понимающіе, подобно другимъ гражданамъ, высшіе интересы отечества, начинаютъ плести ни въѣсть что, какъ только дѣло идетъ о томъ, чтобы закрѣпить результаты войны“. Но каковы же должны быть эти результаты, подлежащіе закрѣпленію? Результаты эти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задачи войны, между прочимъ,

таковы. „Чтобы германскому кабану выбить клыки... достаточно вырвать и отнять у Германіи каменноугольные копи, которыми она обладаетъ въ чрезвычайъ большомъ изобиліи, и отдать ихъ Франціи, гдѣ ихъ, наобобщомъ, очень мало“. „Это — единственное средство, при помощи котораго можно было бы произвести разоруженіе Германіи“. Комментируя одну брошюру американскаго автора, „Temps“ ставитъ послѣднему въ заголовкѣ, что „не останавливаясь на вопросахъ расы, языка и традицій, онъ идетъ до конца въ своихъ заключеніяхъ и пропагандируетъ присоединеніе къ Франціи всего Вестфальскаго района“. „Еще не настала эпоха, — заключаетъ „Temps“, — обсуждать территориальныя условія мира между союзными державами и имперіями, которыя объявили имъ войну... Но вопросъ о національностяхъ, но задача завершения объединенія народностей не должны исключительно поглощать вниманіе будущаго конгресса. На немъ придется изучать всю совокупность другихъ условій, — экономическихъ, морскихъ, промышленныхъ, торговыхъ, — которые приобрѣли первостепенное значеніе въ жизни государствъ и въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Если не обратятъ на нихъ вниманія, то самыя замѣчательныя успѣхи войны не будутъ имѣть завтрашняго дня и останутся безплодными, если еще не подвергнуть вниманію побѣдителя опасности страшной жажды реванша со стороны побѣжденнаго“¹⁾.

Все это даетъ прекрасныя комментаріи не только по вопросу о „войнѣ за миръ“, но и по отношенію къ „національному принципу“ и другимъ „идеалистическимъ“ задачамъ.

Наши русскіе либералы также стали трезвѣе смо-

¹⁾ „Temps“ отъ 18 апр. 1915. Цит. по «Рус. Запискамъ», ст. Русанова въ № 65 за 115 г.

трѣть на вещи; и нынѣ было бы уже несправедливо выдавать за официальный мотивъ ихъ „пріятія“ стремленіе сокрушить германскій милитаризмъ для установленія вѣчнаго мира. Вотъ что читаемъ мы, послѣ года войны, въ официальномъ кадетскомъ органѣ, въ газетѣ „Рѣчь“, въ одной изъ программныхъ ея передовицъ. „Война до конца есть единственный правильный лозунгъ трезваго политическаго разсчета. Потому что всякій „гнилой“, на спѣхъ, отъ „слабости нервовъ“ заключенный миръ былъ бы только короткимъ и обманчивымъ перемиремъ. Потому что, оставивъ всѣ поднятыя войной „проклятыя“ вопросы нерѣшенными, онъ только подготовилъ бы новыя пожары и новыя человѣческія гекатомбы“. Если не суждено сдѣлать войну послѣдней, то добьемся, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе прочнаго мира для будущихъ поколѣній. Принесемъ для этого еще какія угодно жертвы, но „за то сойдемъ со сцены исторіи со спокойнымъ и чистымъ сознаніемъ, что „пріемля“ войну и работая на войну, мы были настоящими пацифистами“.

Добрая ссора, говорятъ намъ, лучше худого мира. И люди уже не обманываютъ ни себя, ни другихъ: вѣчнаго мира разгромомъ Германіи не достигнуть; милитаризмъ создалъ не Вильгельмъ и не германскій „національный духъ“. Люди начинаютъ припоминать тѣ старыя истины, что милитаризмъ имѣетъ глубокія корни въ существующихъ общественныхъ отношеніяхъ и что ихъ не вырвать разгромомъ милитаристской страны, какъ не искоренить психическихъ заблужданій разгромомъ „сумасшедшаго дома“. Не въ примѣръ либераламъ и многимъ социалистамъ, сравнительно близко къ истинѣ было „Русское Знамя“, когда писало: „уничтожить милитаризмъ вообще врядъ ли возможно. А если онъ останется, то не все ли равно какой онъ будетъ, — нѣмецкій ли, турецкій, сѣверо-американскій“...

Въ общемъ, сокрушеніе германскаго милитаризма, какъ мотивъ „войны до конца“, могло держаться лишь въ періодъ наивныхъ увлеченій, въ періодъ полного господства чувства и фразы надъ логикой и здравымъ смысломъ. Нынѣ этотъ мотивъ явно отжилъ свой вѣкъ, и мы можемъ пойти дальше.

„Истинные же пасифисты“ изъ „Рѣчи“, какъ видно изъ приведенной цитаты, нынѣ добиваются не вѣчнаго мира и не сокрушенія милитаризма. Они провозглашаютъ нынѣ девизъ: *si vis pacem, para bellum*—девизъ столь же старый, какъ канибальство: если врага скушать, то воевать будетъ не съ кѣмъ и наступитъ миръ. Эта плодотворная мысль выражается такими словами: послѣдующія войны можно будетъ оттянуть надолго въ томъ случаѣ, если „проклятые вопросы, выдвинутые войной“, будутъ рѣшены въ благопріятномъ смыслѣ...

Итакъ, установивъ, что война ведется нашими либералами не для ликвидаціи милитаризма и не для вѣчнаго мира, мы должны обратиться къ самимъ „проклятымъ вопросамъ“, выдвинутымъ войной.

* * *

Мы уже упомянули о борьбѣ противъ германской политической гегемоніи, грозящей подавить независимое національное—государственное и культурное—развитіе европейскихъ народовъ. Какъ же именно мыслится эта опасность въ конкретныхъ чертахъ? Къ сожалѣнію, для отвѣта на этотъ вопросъ никакого матеріала (кромѣ страшныхъ словъ) намъ не дано. Остановливаясь на данномъ пунктѣ съ достаточной подробностью намъ рѣшительно не позволяютъ обстоятельства. Однако, попытаемся въ двухъ словахъ конкретизировать вопросъ.

Не идетъ ли здѣсь рѣчь о всемірной германской имперіи и о превращеніи Берлина въ политическую столицу Европы? Не предвидится ли возникновеніе но-

вой всевропейской Австро-Венгрии, лоскутами которой будутъ служить великіе народы и государства? Не предполагается ли превращеніе всесильныхъ парламентовъ передовыхъ странъ въ органы областного самоуправленія, зависимые отъ центральной власти въ Берлинѣ?... Подобныя перспективы едва ли принимали сколько-нибудь осязательныя формы даже въ самой пылкой фантазіи германскихъ націоналистовъ въ минуты ихъ самыхъ праздныхъ мечтаній ¹⁾. Поистинѣ, велики отъ страха глаза у тѣхъ, кому мерещится на-

¹⁾ Одинъ изъ такихъ смѣлыхъ мечтат елей, на шумѣвшей своей фантазіей и своей алчностью германскій империалистъ Рорбахъ, имѣющей весьма «офиціозный» голосъ — и тотъ не идетъ въ своихъ «планахъ» дальше территоріальнаго «міроваго передѣла». При этомъ даже аннексированную Бельгію Рорбахъ предлагаетъ «уступить» Франціи взаменъ бельгійскаго Конго. Ни о какихъ покушеніяхъ на исконныя территоріи великихъ народовъ нѣтъ и рѣчи. Или вотъ послѣднія «условія мира», предлагаемая уже вполне «офиціозными»—консервативной и національ-либеральной партіями, въ разгаръ германскихъ военныхъ успѣховъ. «Радикальное исправленіе французской границы отъ Бельфора до побережья. Экспроприація рудниковъ и копей въ аннектированныхъ земляхъ. Устраненіе французскаго населенія присоединенныхъ провинцій отъ имперской политики. Военная контрибуція, достаточно крупная, чтобы не допустить финансированія Франціей новыхъ враговъ Германіи. Аннексія Бельгіи, автономія Польши, аннексія Прибалтійскаго края. Экономическій союзъ Германіи съ Австріей и Турціей, распространяющийся и на Балканы». См. «Рѣчь» отъ 12 авг. 1915. Appetitъ при ѣдѣ, какъ видимъ, сильно увеличился. Однако, и тутъ не допускается мысли о «завоеваніи» великихъ народовъ или хотя бы большихъ населенныхъ ими областей. Германія же, къ счастью, населена не одними представителями «черногубого» блока: многія ея либеральныя группы, а главное ея организованный пролетаріатъ рѣшительно выступаютъ противъ всякихъ аннексій. Не забудемъ объ этомъ. Если же говорить объ империалистахъ, то во Франціи они идутъ гораздо дальше, чѣмъ въ Германіи. Отъ германскихъ государствъ ими не оставлено ни слѣда, и всѣ части свѣта подѣлены на совершенно новыхъ основаніяхъ. Но говорить объ этомъ у насъ не принято.

мѣстникъ Вильгельма въ Парижѣ, германскій генералъ-губернаторъ въ Петроградѣ и вице-король въ Лондонѣ...

Вообще же, по поводу этой утопии, мы должны вспомнить о слѣдующихъ довольно элементарныхъ, но очень важныхъ обстоятельствахъ. Независимость государственныхъ формъ и свобода національнаго развитія это совѣмъ не одно и то же. Полная политическая самостоятельность страны далеко не предполагаетъ свободы проявленій ея національныхъ цѣнностей, силъ и свойствъ ея духовной (какъ и матеріальной) культуры. Свобода національно-культурнаго развитія, ростъ націи, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, опредѣляется не фактомъ политической независимости государства, не его мощью, не его величиной и международнымъ вѣсомъ, а свойствами его политической организаціи.

Намъ нѣтъ нужды повторять столь же ходячія нынѣ, сколь спорныя утвержденія, что объединеніе Германіи и превращеніе ея въ великую міровую державу сопровождалъ не ростъ, а паденіе ея національной культуры. Но возьмемъ безспорныя факты. Можно ли сомнѣваться, что независимость нѣмецкой части Швейцаріи отъ ея французскихъ и итальянскихъ кантоновъ, а тѣмъ болѣе присоединеніе ея къ германской монархіи — весьма вредно отразилась бы на національномъ развитіи тѣхъ группъ германскаго народа, которыя населяютъ Швейцарію? Правда, нѣмцы въ Швейцаріи составляютъ большинство. Но ни швейцарскіе французы, ни даже итальянцы, совершенно подавляемые большинствомъ „племенниковъ“ въ своей странѣ, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго тяготѣнія къ „сепаратизму“, къ созданію собственной государственности или къ объединенію въ единые политическіе организмы съ сосѣдями-племенниками. Точно такъ же нельзя сомнѣваться, что Польша, какъ элементъ свободной Россіи, представляла бы изъ себя гораздо болѣе благоприятныя усло-

вія національнаго развитія польскаго народа, чѣмъ самодовлѣющая олигархическая, аристократическая или плутократическая Польша. Отсюда задача — не отдѣлить Польшу, не создать для нея возможность собственной государственности quand même, а создать свободныя политическія условія для ея національнаго развитія — безразлично, въ самостоятельномъ или въ политически зависимомъ государствѣ или въ предѣлахъ политическаго цѣлаго, объединяющаго нѣсколько націй.

Другими словами, дѣло не въ самодовлѣющей государственности, а во внутреннемъ строеніи государства, въ степени развитія началъ свободы и демократизма. Конечно, съ нами не согласятся ни многіе представители русскаго либерализма, ни официальные выразители интересовъ малыхъ угнетенныхъ народовъ. И конечно, они не преминутъ объявить, что мы подавляемъ, а не защищаемъ національный принципъ. — Свободная или независимая Польша? Мы говоримъ: свободная, хотя бы и политически не самостоятельная. Другіе скажутъ: независимая, и пусть никому изъ „иноземцевъ“ не будетъ дѣла до ея свободы. Спорить на этотъ счетъ мы не станемъ. Это дѣло вкуса, вѣрибе — общаго соціальнаго міровозрѣнія, точнѣе — классовой позиціи. Спорить тутъ нельзя. Предыдущія замѣчанія имѣли цѣлью просто указать исходныя точки нашихъ разсужденій. И надо думать — sapienti sat: борьба за независимое и свободное національное развитіе есть борьба за демократизмъ противъ классоваго господства; методы этой борьбы суть обычные методы классовой борьбы и никакіе иные...

Но вѣдь опасность, о которой идетъ рѣчь, скажутъ намъ, состоитъ не просто въ политическомъ подчиненіи, а въ подчиненіи великихъ народовъ прусскому полу-полицейскому режиму, который въ завоеванныхъ

странахъ покажетъ себя лицомъ. Это очень важное соображеніе. Правда, Франція, съ ея черепашинымъ социальнымъ движеніемъ, не имѣетъ до сихъ поръ подоходнаго налога; клерикальная Бельгія не имѣетъ всеобщаго избирательнаго права; а нынѣ капитулировавшій передъ реакціей англійскій либерализмъ копируетъ германскіе образцы рабочаго законодательства. О другихъ странахъ и другихъ режимахъ мы говорить не станемъ. Но какъ бы то ни было, методы установленія желательнаго режима намъ хорошо извѣстны. Они не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, при мѣненіе котораго хотятъ обосновать.

Однако, слово „завоеватели“ дѣйствительно нельзя употреблять безъ кавычекъ. Повторяемъ, мы все время имѣли дѣло съ беспочвенной фантазіей, созданной неизвѣстно для какихъ цѣлей въ результатѣ непомѣрной растерянности. Ни о какомъ политическомъ подчиненіи великихъ народовъ рѣчи быть не можетъ. И гораздо патристичнѣе поступаютъ тѣ, кто не прибѣгаетъ къ нелѣпому и беспочвенному приниженію нашей государственно-національной мощи и говоритъ не о политическомъ „порабощеніи“, а просто о грозящей гегемоніи Германіи. Это совсѣмъ другое дѣло. Это означаетъ нарушеніе существующаго европейскаго „равновѣсія“, приобрѣтеніе Германіей рѣшающаго международнаго вліянія. Такой возможности, въ случаѣ побѣды германскихъ государствъ, никакъ нельзя отрицать. Необходимо только уяснить себѣ, съ какой точки зрѣнія это важно и требуетъ всѣхъ военныхъ жертвъ. Впрочемъ, здѣсь мы явно выходимъ изъ области „духовнаго“ смысла, „идеалистическихъ“ цѣлей войны, такъ какъ „сферы вліянія“, ихъ разграниченіе и ихъ завоеваніе имѣютъ экономическую подкладку. Воинствующій капиталъ и вѣдаетъ дѣло „равновѣсія“ и „гегемоніи“.

Выше я отмѣтилъ, что наши національ-либералы, говоря о борьбѣ за свободу и независимость, обыкновенно избѣгаютъ оперировать при этомъ съ какимъ-либо конкретнымъ матеріаломъ; что именно разумѣютъ подъ этими благами и какого положенія стремятся избѣжать, намъ не указываютъ. Когда же указываютъ, то придаютъ этому совершенно неожиданный смыслъ. Вотъ, напр., что пишетъ и самъ подчеркиваетъ одинъ изъ виднѣйшихъ обоснователей „духовнаго смысла“ войны, кн. Евг. Трубецкой, въ „Рус. Вѣдомостяхъ“: „Россія... борется за независимость всѣхъ странъ Европы, коимъ грозитъ германское завоеваніе и владычество. Пусть же эта война приведетъ и къ обезпеченію ея собственной независимости! Вѣдь, именно, какъ вопросъ о независимости Россіи, ставится теперь вопросъ о проливахъ. Совершенно очевидно, что нейтрализовать ихъ, значитъ, создавать для насъ полную—и экономическую и политическую зависимость отъ Германіи“.—Тутъ не знаешь, чему удивляться,—такъ полно все „патріотизма“, глубокомыслія и знанія дѣла. Читателю, сколько бы онъ ни думалъ, никогда не понять, какимъ образомъ, получивъ проливы послѣ разгрома Германіи, мы столкнемся въ Средиземномъ морѣ... съ той же Германіей. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что такое независимость, которую мы должны завоевать. Относительно проливовъ П. Н. Милюковъ заявилъ, что „приобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи“ было поставлено на очередь не чѣмъ инымъ, какъ „вступленіемъ Турціи въ число нашихъ враговъ“¹⁾. Ну, а если бы турецкое правительство оказалось немного благоразумнѣе, и проливы продолжали бы оставаться—не нейтральными, а

¹⁾ См. сборникъ «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 57. Петроградъ 1915 г.

турецкими? Что же вывело бы насъ тогда изъ дважды „полной зависимости“... отъ Германіи?.. Предсѣдатель Гос. Думы, полный патріотическихъ чувствъ, воскликнулъ при открытіи третьей „военной“ сессіи: „Россія не можетъ быть ничьей рабой!“ Либеральный же публицистъ и профессоръ — тоже изъ „патріотизма“? — увѣряетъ насъ, что Россія была всегда рабой и вызываетъ объ ея освобожденіи „войной до конца“ — завоеваніемъ проливовъ. Принять ламентации Трубецкого за чистую монету явно невозможно. А вмѣстѣ съ тѣмъ — поскрести либеральные лозунги о гегемоніи и независимомъ развитіи не значить ли вообще дискредитировать ихъ?..

* * *

Защита государственной независимости русскаго народа, угрожать которой не подь силу и десятку Вильгельмовъ, впрочемъ, и не является центральнымъ пунктомъ либеральной аргументации въ области „духовнаго смысла“ войны. Этотъ аргументъ скорѣе играетъ роль жупела. Основной же духовный смыслъ происходящихъ событій видать въ иномъ.

„Духовный смыслъ“ войны вообще обслуживаютъ по преимуществу наши право-либеральные элементы, въ равной мѣрѣ склонные къ метафизикѣ и къ „реальной политикѣ“. Элементы эти, съ одной стороны, приываютъ къ „Русской Мысли“, руководимой такимъ „чистымъ продуктомъ“ ново-европейской культуры, какъ г. П. Струве; съ другой стороны, они имѣютъ базу въ московскомъ славянофильствующемъ религиозно-философскомъ обществѣ, — при чемъ талантливый глашатай военно-духовно-византійскихъ истинъ, тотъ же Евг. Трубецкой, имѣетъ постоянную трибуну въ кадетскихъ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Не надо думать,

что петроградскіе „европейцы“ и московскіе постоконфилы разногласятъ. Петръ Струве своевременно „предсуществовалъ“ Великую Россію во Святую Русь; ново-европейскій интернаціонализмъ уже сполна капитулировалъ передъ старо-славянскимъ національнымъ месіанствомъ; и недавно, на страницахъ „Современника“, В. Базаровъ доказывалъ съ полной убѣдительностью, что духовной „идеологіи“ русскаго империализма, въ сущности, совершенно негдѣ искать прибѣжища, кромѣ какъ славянофильскихъ идеалахъ прошлаго столѣтія. Ниже мы будемъ имѣть случай привести открытыя признанія этого факта.

Обращаясь къ центральнымъ идеалистическимъ цѣлямъ войны въ пониманіи нашихъ либераловъ, мы должны, однако, замѣтить слѣдующее. Дѣйствительныя группы либеральныхъ политиковъ (кадеты), не протестуя противъ военно-духовной разработки проблемы своими товарищами и даже при случаѣ пользуясь ихъ аргументами — все же предпочитаютъ имѣть дѣло съ матеріальной стороной нашихъ „національныхъ задачъ“. Правда, конечные выводы этихъ теоретиковъ и практиковъ — одни и тѣ же; и московскій методъ пропаганды можетъ имѣть не малый успѣхъ въ соотвѣствующей обывательской аудиторіи, падкой, подобно извѣстному гончаровскому слугѣ, на мало-понятныя, но трогательныя слова. Однако, съ другой стороны, къ разработкѣ либеральной „военной“ системы въ религиозно-философскихъ обществахъ нельзя относиться безъ крайней осторожности и опаски: діалектическія упражненія метафизиковъ въ области политики могутъ быть чреваты неприятными медвѣжьими услугами. За ними нуженъ глазъ да глазъ.

Собственно говоря, чистую „военную“ метафизику, представляемую г.г. Эрномъ, Булгаковымъ и др., и находящую, надо думать, не малый кругъ читателей (см.

изданную Сытинимъ серію брошюръ: „Война и Культура“), мы оставимъ въ сторонѣ. Ну, что намъ дѣлать съ такими, напр., разсужденіями г. Бердяева по поводу войны о „русской душѣ“: „Русскій народъ хочетъ быть землей, которая невѣстится, ждетъ мужа... Власть русской бюрократіи въ русской жизни была внутреннимъ нашествіемъ нѣмечины. Нѣмечина какъ-то органически вошла въ русскую государственность и владѣла женственной и пассивной русской стихіей. Земля русская не того приняла за своего суженаго, ошиблась въ женихѣ... Чуждъ русскому народу имперіализмъ въ западномъ и буржуазномъ смыслѣ этого слова, но онъ покорно отдавалъ свои силы на создание имперіализма, въ которомъ сердце его было заинтересовано. Здѣсь скрыта тайна русской исторіи и русской души... Раскрытіе мужественнаго духа въ Россіи не можетъ быть прививкой къ ней срединной западной культуры. Русская культура можетъ быть лишь конечной, лишь выходомъ за грани культуры. Мужественный духъ потенциально заключенъ въ Россіи пророческой, въ русскомъ странничествѣ и русскомъ искаженіи правды. И внутренне онъ соединится съ женственностью русской земли“¹⁾. Даже славянофильство и „сердечный“ имперіализмъ г. Бердяева намъ здѣсь нисколько не интересны: слишкомъ мало вся эта словесность можетъ имѣть отношеніе къ тѣмъ силамъ, которыя вызвали войну, и къ тѣмъ дѣйствительнымъ цѣлямъ, которыя въ ней осуществляются. Вся подобная литература рассчитана на слишкомъ специфическій вкусъ. Разсмотрѣніе ея слишкомъ далеко увело бы насъ отъ всякой политики въ чисто академическія области. Да наконецъ примѣшивать все это къ обоснованію либеральныхъ позицій, къ „реальной политикѣ“ кадетовъ и многихъ демократовъ было бы просто несправедливо.

¹⁾ См. Ник. Бердяевъ „Душа Россіи“, М. 1915, „Война и культура“.

ванію либеральныхъ позицій, къ „реальной политикѣ“ кадетовъ и многихъ демократовъ было бы просто несправедливо.

Но существуетъ и политическая метафизика, имѣющая самое непосредственное отношеніе къ либеральному пониманію задачъ и смысла войны. Война называется освободительной не столько потому, что великіе народы и, въ частности, Россія борются въ ней за свою національную независимость, сколько потому, что четверному согласію приписывается стремленіе освободить малые народы отъ поглощенія крупными, возсоздать ихъ государственность или, по крайней мѣрѣ, избавить ихъ отъ чужеземнаго національно-политическаго гнета. Таковы, по мнѣнію нашихъ либеральныхъ публицистовъ и политиковъ, основныя идеалистическія цѣли войны. Вотъ какъ опредѣляются онѣ устами Евг. Трубецкого: „Обладая огромной территоріей, Россія не заинтересована въ ея увеличеніи: политика захватовъ можетъ причинить намъ не пользу, а только вредъ; намъ нужно не умножить, а только сохранить наши владѣнія“ (мы только что читали у того же автора о пріобрѣтеніи проливовъ въ наше полное владѣніе, какъ о единственномъ пути къ нашему освобожденію отъ рабства; то было писано послѣ выступленія Турціи, а это раньше; но не будемъ придирааться,—сейчасъ дѣло не въ этомъ. Н. С.). „Но именно стремленіе къ сохраненію достоянія отцовъ,—продолжаетъ кн. Трубецкой,—этотъ территоріальный консерватизмъ... дѣлаетъ Россію естественной защитницей и покровительницей слабыхъ и угнетенныхъ народностей, всѣхъ тѣхъ, кому грозитъ поглощеніе и порабощеніе... Защита слабыхъ и воскрешеніе малыхъ народовъ, поглощенныхъ сильными,—такова историческая задача, волею судьбы навязанная Россіи... Мы сражаемся за права національностей вообще, за самый

національний принципъ въ политикѣ въ полномъ его объемѣ“.

Какъ было говорено выше, національный принципъ не слѣдуетъ смѣшивать съ принципомъ государственности—освобожденной, возрожденной или вновь созданной. Допустимъ, что кн. Трубецкой ихъ и не смѣшиваетъ. Но спрашивается, гдѣ доказательства, что Россія, при данныхъ условіяхъ ея историческаго развитія, должна ставить себѣ подобныя задачи и осуществлять ихъ подобными средствами? „Естественной защитницей дѣлаетъ Россію... территориальный консерватизмъ“. Совершенно непонятно—ни что это такое, ни почему это налагаетъ на Россію такое бремя. Но это не главное. Главное—гдѣ доказательства, что подобныя задачи дѣйствительно ставятся и осуществляются? Кн. Трубецкой далъ намъ пока лишь декларацию. А гдѣ же хоть тѣнь обоснованія? Вѣдь пока это, если не методъ агитаціи, то лишь либеральныя мечты. А гдѣ же малѣйшій фактическій матеріалъ? вмѣсто обоснованія и матеріала Е. Трубецкой ограничивается грознымъ предостереженіемъ: „Какъ только мы измѣнимъ нашему знамени, какъ только вмѣсто того, чтобы освободить и защищать другіе народы, Россія начнетъ поглощать и угнетать ихъ, народы возстанутъ противъ нея, какъ они теперь возстаютъ противъ Германіи: откажутся отъ своей освободительной миссіи для нея значить обречь себя на гибель духовную, а въ концѣ концовъ и матеріальную“¹⁾.

Риторическая угроза, конечно, никому не страшна: ни отъ какихъ подобныхъ причинъ Россія ни матеріально, ни духовно не погибнетъ. Но скажите, неужели

¹⁾ См. «Война и міровая задача Россіи». М. 1915. Аналогичный маниловскій вздоръ говорить о цѣляхъ войны изъ «лѣвыхъ» г. Кагоровскій, въ странной статьѣ въ «Ежемѣс. Журн.», № 8—9 за 1915 г. «Жизнь деревни».

въ приведенной альтернативѣ и заключается весь тотъ „духовный“ багажъ, который даетъ либераламъ право мобилизовать Россію вокругъ данныхъ „идеалистическихъ“ лозунговъ?.. Если такъ, то надо удивляться смѣлости „ответственной оппозиціи“ передъ будущимъ судомъ исторіи. Если не такъ, то на чемъ же основана ихъ смѣлость и ихъ ответственность за ихъ лозунги?

Фактическій матеріалъ относительно „національнаго принципа“ свидѣтельствуетъ о томъ, что либеральныя политики совершенно произвольно навязываютъ происходящей борьбѣ несвойственныя ей, но „симпатичныя“ имъ задачи. Понятно, что подробно характеризовать этотъ матеріалъ мы не имѣемъ возможности. Да онъ, въ сущности, достаточно общезвѣстенъ. Мы коснемся только немногихъ пунктовъ.—Вотъ, на примѣръ хотя и весьма не „малая“, но слабая китайская нація. Со стороны Россіи ея независимости, правда, отнынѣ ничто не угрожаетъ: на нашей дальневосточной политикѣ война поставила крестъ. Но будетъ ли она способствовать свободному національному развитію Китая? Ясно, что мы здѣсь платимъ дань не національному принципу, а японскому империализму—за дружественныя услуги четверному согласію во время войны... Японскій ультиматумъ, предъявленный Китаю въ началѣ 1915 года, далеко оставляетъ за собой знаменитый австрійскій ультиматумъ, отъ котораго—какъ Москва отъ копеечной свѣчки—загорѣлась великая война. „Націальный принципъ“ Китая пришлось не защитить, а выдать головой.

Затѣмъ, возьмемъ обстоятельства, связанныя съ выступленіемъ Италіи. Итальянцы мотивировали свое выступленіе необходимостью освободить изъ подъ австрійскаго владычества своихъ единоплеменниковъ; они ставили на видъ австрійское „покровительство“ другимъ національностямъ въ ущербъ италіянцамъ“. Что же это за другія національности, и не являются ли

онъ привилегированнымъ меньшинствомъ? Всѣмъ извѣстно, что въ провинціяхъ, на которыя претендуетъ Италія,—въ Истріи, Далмаціи и др., во-первыхъ, меньшинство составляютъ, наоборотъ, итальянцы, а во вторыхъ, что большинство состоитъ тамъ изъ славянскихъ народностей. „И оказывается, — справедливо отмѣчалъ недавно Н. С. Русановъ, — что Италія объявляетъ войну Австріи какъ бы за то, что послѣдняя не желала давать возможности итальянцамъ подавлять ради своихъ національных интересовъ гораздо болѣе значительное славянское населеніе... Горькій юморъ разлитъ въ томъ обстоятельстве, что, вступая въ освободительную войну, которая началась во имя защиты одной изъ маленькихъ славянскихъ національностей отъ тевтонскаго насилія, Италія дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своихъ жалобъ какъ разъ ту политику Австріи, которая охраняла славянъ отъ подавленія ихъ итальянскимъ меньшинствомъ“¹⁾. Национальный принципъ вообще и „славянской“, въ частности, здѣсь не защищаются, а опять таки выдаются головой. Это—вполнѣ естественная дань итальянскому имперіализму, за союзную помощь въ войнѣ, преслѣдующей, очевидно, инія цѣли. И, замѣтимъ въ скобкахъ, этимъ наша дань Италіи едва ли можетъ ограничиться: чтобы заставить итальянскія войска вступить въ страну, съ которой формально еще находился въ силѣ многолѣтній („трояственный“) союзъ,—указанной компенсаціи едва ли достаточно. Повидимому, нашей политикѣ на ближнемъ востокѣ придется испытать тѣ же давленія, какія должна оказать на дальнемъ востокѣ компенсація Японіи, особенно — если компенсировать придется и Румынію и Грецію, или вмѣсто Греціи—ту же Италію. Далѣе, если цѣлью войны выставляется защита національнаго принципа въ Польшѣ, то тутъ явно какое

¹⁾ См. «Русскія Записки», июнь 1915 г., стр. 298. Петроградъ.

то недоразумѣніе. Вѣдь подъ тевтонскимъ владычествомъ находится ничтожная часть польскаго народа. Вѣдь Царство Польское находилось и находится подъ скипетромъ русскаго Царя. О какомъ освобожденіи польской націи можетъ идти рѣчь? Если считать, что Польша доселѣ была подъ гнетомъ, то при чемъ въ ея освобожденіи война съ ея „стратегическими приемами?“¹⁾.

Галиція и Арменія, правда, въ иномъ положеніи чѣмъ нашъ привислянскій край; онѣ—подъ иноземнымъ владычествомъ. Но здѣсь отсутствію либеральныхъ гарантій уже можно было бы противопоставить достаточный фактической матеріалъ. Ограничимся словами г. Милюкова въ Гос. Думѣ, произнесенными послѣ оставленія Галиціи нашими войсками и властями. Эти слова могутъ вообще резюмировать вопросъ о войнѣ и „національномъ принципѣ“. „Игра на темныхъ націоналистическихъ инстинктахъ массъ, съ обычнымъ орудіемъ этой борьбы, съ антисемитизмомъ, съ борьбой противъ „инородцевъ“ и иновѣрцевъ, получила небывалый просторъ подъ прикрытіемъ нуждъ военнаго времени... Несчастнѣйшій еврейскій народъ, охваченный въ началѣ войны общимъ патріотическимъ одушевленіемъ, сдѣлался предметомъ какого-то систематическаго издѣвательства. Нельзя иначе назвать огульное обвиненіе цѣлой народности въ предательствѣ и измѣнѣ“, за которыми „послѣдовали изъ того же узко партійнаго источника, прикрывавшагося военными полномочіями, небывалыя мѣры круговой отвѣтственности за несовершенныя преступленія, мѣры, напоминающія дикія времена глубокаго средневѣковья и унижающія насъ во мнѣніи всего образованнаго свѣта. При существованіи закона о вѣротерпимости, мы присутствовали при гоненіи“

¹⁾ Читатель помнитъ, что такъ было названо однимъ изъ пражскихъ депутатовъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго.

ніяхъ за релігiозныя убѣжденія... потому только, что миссіонеры объявили ихъ вѣру нѣмецкой вѣрой. Мы присутствовали при невѣжественной и наивной попыткѣ посягнуть на національность и вѣру населенія только что приобретенной провинціи, для управленія которой были посланы отбросы русскаго провинціального чиновничества; эти новые ташкентцы оттолкнули отъ насъ родственное намъ украинское населеніе. Они пытались затемнить лучезарный ликъ великой освободительной войны, они посягнули на одушевляющій насъ и нашихъ союзниковъ идеалъ грядущей самостоятельности малыхъ народностей... Г. г., въ дни борьбы государствъ, защищающихъ свободу и право малыхъ народностей, съ государствами-насилъниками, такія явленія составляютъ кричащій диссонансъ, который огорчаетъ друзей и вызываетъ злорадство враговъ"... (Цит. по „Рѣчи“, № 198 за 1915 г.).

Вотъ такъ у насъ всегда: сначала припишутъ другимъ свои благочестивыя намѣренія, а потомъ негодуютъ за ихъ неисполненіе. Люди не только донкхотствуютъ, но и возлагаютъ за это отвѣтственность на другихъ... Въ общемъ, положеніе совершенно ясно. Дѣйствительныя задачи войны осуществляются и будутъ осуществляться своимъ порядкомъ—не взирая на то, какой смыслъ будетъ угодно вложить въ нихъ гѣмъ или инымъ „реальнымъ политикамъ“. Не въ мѣру простодушные или не особенно искренніе—они всегда будутъ находить тутъ „кричащіе диссонансы“ со своими собственными пожеланіями. Само по себѣ это было бы для насъ не интересно. Но... вѣдь для народа, вѣдь съ практическими цѣлями все это говорится.

* * *

„Духовный смыслъ“ войны, въ толкованіи нашихъ либераловъ, заключается не только въ оборонительно-осво-

бодительныхъ задачахъ, о которыхъ мы говорили. Существуютъ духовныя „задачи“ и въ области міровой политики. Существуетъ у Россіи международная культурно-политическая миссія, которую можно и должно реализовать въ условіяхъ настоящей катастрофы. Очевидно, что по существу—это задача империалистская. Если же намъ говорятъ, что по смыслу она — духовная, то ясно, что рѣчь идетъ о панславизмѣ. Ибо, какъ сказано, некуда больше дѣваться философіи русскаго империализма.

Намъ нѣтъ никакой нужды далеко забираться въ эту философію. Вѣдь наша цѣль — не спорить съ либеральной идеологіей войны, а просто снять цвѣтистые покровы съ тѣхъ хорошихъ словъ, которыя говорятся для сокрытія мыслей. Надо только показать „въ натурѣ“ либерала, выкликающаго свои лозунги — и спорить будетъ не о чемъ и не за чѣмъ. Въ данномъ же случаѣ вещи называются своими именами, товаръ показывается лицомъ, рассчитанъ онъ на любителя, охотниковъ много не найдется, большого вреда допотопная словесность не принесетъ—и пусть по существу въ ней разбираются авторы, избравшіе болѣе академическія темы ¹⁾. Для насъ совершенно достаточно просто отмѣтить одинъ изъ мотивовъ либеральнаго „оправданія“ войны—мотивъ, самъ за себя говорящій и ни для кого, кромѣ его провозвѣстниковъ, не убѣдительный, мотивъ, борьба съ которымъ не стоитъ чернить. Отмѣтить же его все таки необходимо для полноты перечня.

Панславизмъ, бурно хлынувшій изъ московскихъ архивовъ, образовалъ у насъ двѣ-три мелкихъ заводи, въ которыхъ съ удовольствіемъ копошатся нѣсколько десятковъ русскаго „размагниченныхъ интеллиген-

¹⁾ Я уже упоминалъ о прекрасныхъ статьяхъ В. Базарова «О современномъ идеологическомъ кризисѣ», — см. «Современникъ», май—октябрь 1915 г.

товъ" и „гамлетизированныхъ поросятъ“. Расцвѣсти панславизму пришлось ad hoc—въ угоду Марсу. И вполнѣ естественно, что его пришлось наскоро, кое-какъ модернизировать, перекинуть мостикъ отъ древне-азиатскаго „духовнаго“ мессіанизма къ ново-европейскому материальному имперіализму, — словомъ сдѣлать дворянскій кафтанъ истинно-русскаго Хомякова в пору буржуазному космополиту г-ну Струве. Для того, чтобы показать, какой видъ приняла нынѣ реставрированная панславистская система, мы сошлемся на одну любопытнѣйшую статью „Русской Мысли“, которая, повидимому, резюмируетъ военно-духовныя исканія нашихъ національ-либераловъ. Статья эта любопытна не только тѣмъ, что она представляетъ собой послѣднее слово византійской мудрости: мы имѣемъ здѣсь не частый случай наблюдать, какъ искренній и культурный либераль-обыватель, „пріившій“ войну безъ всякихъ мыслей, безъ всякихъ предварительныхъ попытокъ ее осмыслить,—потомъ тутъ же, на глазахъ публики, выбивается изъ силъ, стараясь уяснить самому себѣ, зачѣмъ и почему онъ это сдѣлалъ. Авторъ статьи, г. Дм. Муретовъ, тщательно изыскиваетъ среди существующихъ и мыслимыхъ доводовъ приемлемые для него мотивы „оправданія“ войны. Отвергнувъ всѣ ихъ за несостоятельность, онъ остается у... разбитаго корыта славянофильства, для котораго онъ придумалъ искусственныя подпорки и орнаменты въ стилѣ модерна. Иной „правды нашей войны“ (такъ озаглавлена статья) нашъ искренній либераль отыскать не могъ.¹⁾

Бурныя страсти первыхъ недѣль войны теперь давно улеглись. Мысль заработала спокойнѣе. Прошли „первые дни войны, когда сознание было охвачено не столько жаждой единомыслия, сколько жаждой единой

¹⁾ См. «Рус. Мысль», июнь 1915 г.

воли“. „И захотѣлось разобраться въ томъ, что пережито... Война была принята и оправдана передъ судомъ неосвященныхъ сознаниемъ глубинъ личности,—оставалось (?) оправдать это рѣшеніе разумомъ передъ лицомъ своего міровоззрѣнія и своей совѣсти... Возникъ основной вопросъ: либо отвергнуть свой порывъ, признать его отзвуками отживающей психической организаціи, либо закрѣпить это душевное настроеніе въ твердыхъ понятіяхъ“. Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что „здѣсь для интеллигентскаго русскаго сознаниа была не малая трудность“. И онъ начинаетъ свой анализъ прекрасными словами: „Если мы принимаемъ войну, то и дѣлаемъ ее. А если дѣлаемъ, то на всякомъ изъ насъ лежитъ такая же нравственная отвѣтственность за нее, какъ будто отъ него одного зависить остановить сражающіяся арміи или двинуть ихъ въ тотъ мучительно долгій бой, который охватилъ въ наши дни еще невиданныя въ исторіи войны пространства. Исторію дѣлаютъ всѣ вмѣстѣ, но отвѣчаетъ за нее передъ совѣстью своей во всей полнотѣ всякій“...

Однако едва приступивъ къ дѣлу, авторъ принужденъ констатировать, что въ арсеналѣ готовыхъ идей и понятій не хватало именно тѣхъ, которыя могли бы послужить такому осознанію („пріятія войны“). Классифицировать всѣ сужденія—высказанныя въ печати, въ рѣчахъ и въ лекціяхъ—нѣтъ возможности. Желая указать лишь „нѣсколько типичныхъ направленій, по какимъ пошли объясненія“, авторъ въ сущности подписывается подъ тѣмъ, что все наше общество, подобно ему самому, не знало мотивовъ и цѣлей своего „пріятія“; и по „типичнымъ направленіямъ“ оно шло оцупью, ища линій наименьшаго сопротивленія. „Первое основное направленіе съ первыхъ же дней завоевало себѣ особое мѣсто въ газетахъ подъ общимъ названіемъ „нѣмецкихъ звѣрствъ“. Нѣмцы оказались варварами и

злодѣями, они вандалы XX вѣка, а Вильгельмъ—Атти-
ла, вождь вандаловъ (историческія свѣдѣнія у газетъ
не особенно тверды); борьба съ ними есть борьба за
гуманность, и этотъ трафаретъ былъ принятъ далеко
не одними „шовинистами“ и „зоологическими націона-
листами“, но и „передовыми“ органами печати“... Какъ
человѣкъ, способный къ членораздѣльной рѣчи, авторъ,
конечно, считаетъ подобные мотивы за явное *testimo-*
nium pauperatis. „Звѣрства“ открытыя *post factum*, когда
война уже началась, никакъ не могли оправдать самаго
начала. „Мысль о крестовомъ походѣ противъ нѣмцевъ,
потому что они варвары, конечно, слишкомъ наивна“;
и можно только удивляться попыткамъ „сблизить эти
факты („нѣмецкихъ звѣрствъ“) съ самой сутью пере-
живаемыхъ событій“.

Менѣе примитивно, но не болѣе состоятельно второе
направленіе мыслей. „Война вызвана тѣми психически-
ми особенностями, которыя развились въ нѣмцахъ за
последнее полстолѣтіе. За эти годы въ Германіи раз-
вился духъ милитаризма, націонализма, преклоненія
предъ абсолютизмомъ государства и т. п. Коротко го-
воря, нѣмцы были признаны носителями всего того,
что искони привыкла бранить русская интеллигенція“...
Такими путями „не трудно было освятить борьбу съ
нѣмцами“; „всякій могъ найти свой излюбленный жу-
пель и металл: одни могли сокрушать милитаризмъ,
другіе — въ корнѣ подрывать націонализмъ“ и т. д.
Сами мы хорошо знаемъ цѣну этимъ жупеламъ и ме-
талламъ. Но мы видимъ, что нынѣ все это ни въ какой
мѣрѣ не удовлетворяетъ и публициста „Русской Мысли“,
у котораго достаточно встревожена совѣсть, чтобы рев-
ностно искать для себя оправдательныхъ мотивовъ, и
достаточно спокоенъ умъ, чтобы не принимать за тако-
вые мотивы полуграмотныхъ выкриковъ бульварныхъ
и „передовыхъ“ газетъ.

Болѣе глубокой представляется нашему автору „по-
пытка теоретической критики самыхъ основъ нѣмецкой
культуры“. Рѣчь идетъ о работѣ „московскихъ фило-
софскихъ кружковъ“ и знакомыхъ намъ г.г. Эрна, Бул-
гакова и др. Но и ихъ (метафизическая) постановка
вопроса не удовлетворяетъ г. Муретова съ разныхъ
сторонъ; она кажется ему совершенно „ненужной для
правильнаго пониманія смысла событій и для установки
нашего къ нимъ отношенія“.

И, наконецъ, вполне справедливо авторъ считаетъ
пустыми словами ходячія утвержденія, что въ настоя-
щей войнѣ дѣло идетъ „о нашемъ историческомъ бы-
тіи“: „нѣкоторыя газеты, желая подчеркнуть особенное
значеніе настоящей войны, усвоили для нея название
отечественной. Этимъ признается, что защищаемой
цѣнностью является самое существованіе Россіи. Нель-
зя не видѣть въ такомъ утвержденіи грубаго преуве-
личенія. Столкновеніе ни съ однимъ изъ государствъ,
по счастью, уже не можетъ грозить Россіи гибелью“...

И вотъ, пробившись попусту не мало времени и,
какъ это ни странно, какъ это было для него ни просто,
не найдя готовыхъ идей, которыя могли бы оправдать
его „пріятіе“ войны,—г. Муретовъ приступаетъ къ само-
стоятельному творчеству. Ничего не подѣлаешь. война
„принята“, и если нѣтъ въ арсеналѣ подходящихъ для
нашего метафизика мотивовъ, то надо ихъ выдумать.
И нашъ авторъ выдумалъ славянофильское разбитое
корыто. „И для Россіи, и для Германіи оказалось легче
принять войну, чѣмъ отказаться отъ выставленныхъ
требованій. Оказались задѣтыми какія то цѣнности,
поступиться которыми ни мы, ни они уже не могли.
Что же это были за цѣнности?.. Международное право
есть, собственно говоря, лишь право междугосудар-
ственное, и построено оно на нѣкоторой фикціи“. Наша
формально-юридическая правота можетъ оправдать

только „объявленіе войны, но не самую войну, поведеніе правителей, а не дѣяніе народовъ... Историческая реальность есть народы“, которые въ историческомъ развитіи „вырастаютъ изъ охраняемыхъ междугосударственнымъ правомъ государственныхъ формъ, — начинается война, хаосъ и безправіе съ юридической точки зрѣнія, — огневое крещеніе и высшій судъ для народовъ“. Это — первая посылка. Вторая: „наша связь съ Сербіей строилась не на конференціяхъ; она закрѣплена была въ средѣ недоступной и неуловимой для международного права и, два раздѣльныхъ народа, мы хранимъ сознание причастности къ чему то общему, и защищая это общее въ сербахъ, мы защищаемъ нѣчто свое, защищаемъ настоящее и будущее своей народности. Русскій націонализмъ (сознательное служеніе своей народности) не случайно былъ всегда славянофильскимъ, и не случайно національныя движенія среди славянскихъ народовъ были и будутъ всегда руссофильскими¹⁾. Славянство безъ Россіи безсильно, безъ нея оно есть племя, а не народъ. Русскій же націонализмъ безъ славянства пусть. Лишь поднявшись до націонализма, русскій народъ могъ выйти за предѣлы и почувствовать жизнь и интересы другихъ славянскихъ народовъ, какъ свои собственные“... А вотъ и естественный выводъ: „та основная цѣнность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая въ своемъ ростѣ вышла за предѣлы племенного своего бытія и стремится къ міровой роли... Сознание своего права защищать эту цѣнность даже передъ лицомъ ущерба, наносимаго чужимъ народнымъ цѣностямъ, даетъ русскому обществу разумное оправданіе переживаемаго имъ патріотическаго подъема, т. е. даетъ ему сознание правды нашей войны“.

¹⁾ Позиція Болгаріи нынѣ особенно хорошо иллюстрируетъ это положеніе.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается „последнее средство“. Высшая, опредѣляющая цѣнность названа своимъ именемъ: это политическій (духовный, конечно же, духовный) имперіализмъ. И назвавшись груздемъ, мы нынѣ уже не отказываемся лѣзть покорно въ кузовъ: русскій имперіализмъ уже и не выдается ни за что иное, какъ за старое славянофильское мессіанство.

Правда, въ приведенной благонамѣренной аргументаціи, какъ будто, не все благополучно. Во-первыхъ, кто же, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчаетъ за возникновеніе войны? Вѣдь не Вильгельмъ же озаботился „исторической ролью русской народности“... А затѣмъ и затруднительно будетъ каждому представителю „русскаго общества“ увѣрывать во всю эту схоластику — въ эти увѣренія кабинетнаго сочинителя, что война и впрямь началась поэтому и ведется для этого. Но самого автора и его друзей всѣ эти измышленія все же утѣшаютъ. И то хорошо. Чѣмъ бы ни тѣшились совѣстливые люди...

Спорить намъ не о чемъ. *Suum cuique*. Важно только договориться и понять другъ друга до конца. Нынѣ все ясно. И довольно съ насъ „духовнаго смысла“.

Либеральное толкованіе матеріальнаго смысла войны, въ сущности, гораздо важнѣе для насъ: во-первыхъ, оно можетъ быть по существу довольно убѣдительнымъ для нѣкоторыхъ вліятельныхъ группъ и классовъ; во-вторыхъ, агитація на „матеріальной“ почвѣ развита несравненно сильнѣе и имѣетъ гораздо большее вліяніе среди обывательскихъ массъ.

* * *

Аргументы въ „матеріальной“ плоскости имѣютъ точно также оборонительный, освободительный и, такъ сказать, „міровой“ характеръ. Слѣдовательно, и здѣсь намъ придется имѣть дѣло съ тѣми же формальными

категориями „нашихъ національныхъ задачъ“. Подъ руками у насъ имѣется и типичная декларация, рисующая общій матеріальный смыслъ войны въ пониманіи „лѣвыхъ“ писателей.

„...Страна побѣжденная — страна разоренная, — пишетъ г. Юрданскій... Всѣ торговые договоры были бы пересмотрѣны побѣдителемъ и продиктованы имъ заново въ своихъ политическихъ (?) интересахъ. Промышленность Россіи можетъ попасть въ оковы, которыя не дадутъ ей развиваться, страна окажется въ экономическомъ плѣну у побѣдителя и превратится въ колонію, эксплуатируемую побѣдителемъ. Побѣда Германіи надъ Россіей можетъ уничтожить дѣло Петра Великаго и превратить молодую и капиталистическую Россію въ старую крестьянскую Русь. Побѣжденная Россія надолго была бы обречена прозябать вялою и тусклою жизнью полуазиатскаго государства, являясь тормазомъ въ культурномъ шествіи человѣчества“. — Вотъ почему „народы Россіи обязаны стремиться къ побѣдѣ и должны побѣдить“ (см. „Соврем. Міръ“ № 9 за 1914 г.).

Такъ толкуетъ задачу войны, такъ обосновываетъ національ-либеральную позицію уже не метафизикъ, а реалистически настроенный публицистъ изъ лѣваго лагеря. Страсти, какія онъ описываетъ, способны повергнуть въ панику самаго храбраго человѣка, который вѣрить всякому слуху, а въ наукѣ не пошелъ дальше передовицъ бульварной прессы. Г. Юрданскій ограничивается приведенными lamentаціями, не рискуя конкретизировать, облечь во плоть и кровь свои страшныя слова. Но это мы съумѣемъ сдѣлать и сами. Сначала только прибавимъ къ нимъ еще два-три жупела и металла.

Г. Юрданскій пугаетъ насъ грядущимъ экономическимъ рабствомъ и дикимъ состояніемъ. Но кому

же не извѣстно, что мы уже находимся въ полной экономической зависимости отъ Германіи; наше народное хозяйство уже крѣпко опутано нѣмецкими сѣтями; оно уже потеряло свою самостоятельность, и мы погибаемъ отъ нѣмецкаго засилья. Взять хотя бы тотъ же торговый договоръ. Г. Юрданскій опасается за его будущій видъ, — когда его продиктуетъ Германія-побѣдительница. Но вотъ знаменитый либеральный экономистъ, г. Туганъ-Барановскій, пишетъ о томъ ¹⁾, какое „видное мѣсто среди условій, тормозящихъ наше экономическое развитіе, занимаетъ крайне невыгодный для насъ торговый договоръ съ Германіей, навязанный намъ Германіей въ то время, когда мы были всего слабѣе—во время нашей неудачной войны съ Японіей“.

Нѣмецкое засилье и порабощеніе Россіи создано не только на почвѣ торговаго договора. У нѣмцевъ имѣются тысячи средствъ подчинить своему вліянію всѣ области нашей экономической жизни. Объ этомъ мы слышимъ отовсюду; мы только объ этомъ и слышимъ. Эти неотвязные толки также неопровержимо свидѣлствуютъ о нашемъ патріотизмѣ, о нашей добросовѣстности въ приѣмахъ агитаціи, о нашемъ искреннемъ стремленіи au fond обосновать „пріятіе“ войны, о глубококомъ знаніи дѣла и о высоко развитомъ у насъ чувствѣ національнаго достоинства. А вмѣстѣ съ тѣмъ лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ означаетъ, что идеологи нашего либерализма и въ „матеріальной“ сферѣ приписываютъ войнѣ не только „превентивныя“, оборонительныя, но также и освободительныя задачи. Война, въ ихъ толкованіи, должна не только избавить отъ грозящаго порабощенія, но и сбросить съ насъ существующее экономическое иго.

¹⁾ См. сб. «Чего ждетъ Россія отъ войны», изд. «Прометей», Пг. 1915, стр. 20.

Лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ оказался настолько же жизнеспособнымъ и плодотворнымъ, насколько эффективнымъ оказался кличъ: долой германскій милитаризмъ! Роль этого лозунга въ дѣлѣ популяризаціи войны, несомнѣнно, огромна. Но его собственная популярность оказала довольно плохую услугу разработкѣ этой темы въ наукѣ и въ серьезной періодической печати. Ибо „разрабатывать“ эту тему сталъ всякій. И не мудрено, что нѣкоторыя версіи стали пригодны не для того, чтобы „оправдать“ войну, а для того, чтобы въ конецъ дискредитировать самый лозунгъ и безобразно опозлать задачи войны.

Не угодно ли, напр., выслушать слѣдующій родъ діалога между двумя обывателями, „пріемлющими“ войну по мотивамъ нѣмецкаго засилья. Одинъ изъ обывателей—пессимистъ; онъ не щадитъ красокъ для характеристики враждебной націи и какъ будто даже не вѣритъ, что ея разгромъ можетъ достигнуть цѣли. Другой, напротивъ, оптимистъ и предвкушаетъ благіе результаты побѣды. „Не нужно забывать,—пишетъ первый,— что послѣ войны намъ грозитъ наибольшая нѣмецкая опасность. Изголодавшіеся, раззоренные, похутившіе и жадные—гдѣ найдутъ нѣмцы столъ и домъ? Конечно, все въ той же Россіи, куда они ринутся подъ разными видами и предлогами. А мы, слабые промышленно и культурно, своей силой ничего съ ними не сдѣлаемъ... Кормясь среди болѣе слабыхъ народовъ, англичанинъ нѣчто возвращаетъ въ видѣ культуры,—нѣмецъ же, обжираясь, ничего не отдаетъ назадъ, ибо даже испражняться ходитъ въ фатерляндъ, чтобы удобреніе не пропадало.“—Второй, однако, утѣшаетъ: „Въ раздающіяся у насъ не всегда продуманныя рѣчи объ освобожденіи отъ нѣмецкаго засилья порой неожиданно врываются какія то безнадежно унылыя ноты. Вѣра въ несокрушамую мощь если не германскаго кайзера, то

германскаго комми-вожера крѣпко укоренилась у насъ“... Но вѣдь война, должна совершенно разстроить германскую хозяйственную организацію. „Будетъ выбито изъ рукъ общимъ раззореніемъ страны одно изъ самыхъ острыхъ орудій борьбы: сбиваніе цѣнъ ниже ихъ естественнаго (sic!) уровня“. Кроме того, „надо будетъ усиленно обхаживать раздраженныхъ кліентовъ, всячески преодолевая порожденныя войной бойкотистскія настроенія, придется, заискивая, заглядывать въ глаза отворачивающагося съ негодованіемъ иноземнаго заказчика. Между тѣмъ, война унесетъ дрессированныхъ на этомъ дѣлѣ ловкачей... а замѣстители когда-то еще подберутся“...

Вчитайтесь въ это „обоснованіе“ войны, и вы согласитесь, что подобные доводы способны только подорвать вѣру въ „правду войны“ у всякаго, сохранившаго культурный обликъ. Вы скажете, что этотъ „діалогъ“ почти карриатура. Но вѣдь именно подобнаго рода аргументами полна та печать, которая питаетъ массы. Наши же собесѣдники—не первые встрѣчные, ибо мы искали не литературныхъ перловъ, а образцовъ аргументаціи либеральныхъ „авторитетовъ“. Нашъ пессимистъ, Леонидъ Андреевъ, правда, новоявленный политикъ, но замѣчательный художникъ слова, съ міровымъ именемъ, рѣчи котораго могутъ имѣть большое агитаціонное значеніе. Оптимистъ — постоянный сотрудникъ и публицистъ солиднѣйшихъ „Русскихъ Вѣдомостей“, которые нынѣ вплели въ свой лавровый вѣнокъ еще репутацію корректнѣйшей газеты военнаго времени ¹⁾.

¹⁾ См. № 99 за 1915 г. Статья „Германскія потери и нѣмецкое засилье“ принадлежитъ перу г-на А. Ч., который нерѣдко пишетъ на столбцахъ названной газеты о положеніи Германіи въ настоящей войнѣ. По этому поводу мы хотѣли сдѣлать дружественное предупрежденіе извѣстному либеральному профессору А. А. Чуп-

Ясно — съ „нѣмецкимъ засильемъ“ у насъ еще не все обстоитъ благополучно. Въмѣсто серьезной разработки вопроса мы пока видѣли или погромные выкрики, рассчитанные на самые низменные инстинкты, или общія безсодержательныя положенія, гдѣ страшныя слова скрываютъ за собой совершенно неясныя мысли. Намъ необходимо докопаться до конкретного смысла этихъ дешовыхъ митинговыхъ резолюцій. Необходимо выяснить дѣйствительныя размѣры и дѣйствительные источники грозящихъ опасностей. Необходимо твердо усвоить, какіе же именно политическія нормы создаютъ наше порабоженіе Германіей, какія нормы грозятъ его усилить и какія нормы, несущія намъ экономическую свободу, по мнѣнію либеральныхъ публицистовъ, надлежитъ установить въ результатѣ войны и побѣды. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны уяснить себѣ, на что можно надѣяться и чего, наоборотъ, нельзя ожидать отъ военно-политической побѣды надъ Германіей въ дѣлѣ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ. Ибо эта борьба, какъ мотивъ „оправданія“ войны, предполагаетъ не только наличность даннаго зла, но и возможность его устранить даннымъ методомъ.

Итакъ, обратимся по порядку къ отдѣльнымъ, мыслимымъ и указаннымъ въ литературѣ, источникамъ нѣмецкаго засилья.

* * *

Начнемъ съ недоразумѣнія, въ основѣ котораго лежить, повидимому, не какой либо злой умыселъ, не неправильная оцѣнка явленія, а просто незнакомство съ дѣломъ. Рѣчь идетъ о „порабоженіи“ Россіи по-

рову, который также специализировался на описаніяхъ нѣмецкаго голода, продовольственныхъ неурядицъ и другихъ внутреннихъ неурядицъ. Такъ вотъ — какъ бы не смѣшала публика этого почтеннаго дѣятеля съ каннибальствующимъ г-номъ А. Ч.

средствомъ импорта къ намъ германскаго капитала¹⁾. Привлеченіе къ намъ иностраннаго капитала вообще всегда разсматривалось у насъ не какъ абсолютное зло, а какъ необходимое и крайне желательное явленіе. При нашей бѣдности капиталами, ввозъ ихъ изъ-за границы всегда былъ необходимымъ условіемъ развитія нашего народнаго, государственнаго и муниципальнаго хозяйства. Онъ былъ могучимъ факторомъ расширенія нашей желѣзнодорожной сѣти, а также и роста нашей промышленности.

Правда, для національнаго хозяйства выгодыѣ развивать кредитъ, обмѣнъ и производство на собственные капиталы. Но если ихъ нѣтъ, необходимо привлеченіе иноземныхъ. И не только до сихъ поръ, но и впредь намъ предстоитъ прибѣгать къ импорту иностраннаго капитала — тѣмъ больше, чѣмъ интенсивнѣе мы будемъ развивать индустрію, пути сообщенія, городское и земское хозяйство. Достаточно указать, что наша „тяжелая“, металлургическая промышленность, въ очень большой своей части возникла на французскіе и бельгійскіе капиталы. Что касается импорта въ Россію германскаго капитала, то онъ (сравнительно съ союзными великими державами) крайне незначителенъ. Точному учету количество ввезенныхъ капиталовъ не подлежитъ; но вотъ, напр., капиталы иностранныхъ предприятий, работающіе въ Россіи (въ тысячахъ руб.) вмѣстѣ съ числомъ самыхъ предприятий²⁾:

	Капиталы:	Предпріятія:
Англія .	96,244	33
Бельгія .	114,501	70
Франція .	140,470	48
Германія .	25,197	24

¹⁾ Этого то не отрицаетъ даже и органъ «совѣта съѣздовъ». См. «Промышл. и торговля», № 23 за 1915 г.

²⁾ См. И. Левинъ «Германскіе капиталы въ Россіи». СПб. 1914.

Доля германскаго „засилья“, на почвѣ импорта капитала, какъ видимъ, ничтожна. При этомъ участие у насъ германскихъ капиталовъ развивается медленно, чѣмъ английскихъ. А именно:

	АНГЛІЯ.		БЕЛЬГІЯ.		ФРАНЦІЯ.		ГЕРМАНІЯ.	
	Капиталъ (въ тыс. руб.)	Число пред- приятий.	Капиталъ (въ тыс. руб.)	Число пред- приятий.	Капиталъ (въ тыс. руб.)	Число пред- приятий.	Капиталъ (въ тыс. руб.)	Число пред- приятий.
1904 г.	1756	3	2599	5	10655	2	720	1
1907 г.	3311	2	3750	1	—	—	460	1
1910 г.	7586	4	2775	2	1631	2	1896	2
1913 г.	21167	12	5250	5	9000	2	1700	2

Точно также относительно падаетъ значеніе Германіи, какъ кредитора нашихъ банковъ. Вотъ данныя о размѣрахъ кредита 17 банкамъ, полученныя путемъ анкеты редакціи „Вѣстника Финансовъ“ (въ тыс. р.):

	АНГЛІЯ:	БЕЛЬГІЯ:	ФРАНЦІЯ:	ГЕРМАНІЯ:	ВСЕГО:
1908 г.	14,580	379	35,818	33,658	84,669
1909 г.	27,694	388	50,430	30,855	109,723
1912 г.	40,271	755	92,112	36,087	170,455

Большее значеніе имѣетъ германскій денежный рынокъ для реализаціи нашихъ городскихъ займовъ. Въ общемъ же мы видимъ, что зависимость нашего народнаго хозяйства отъ германскаго денежнаго рынка, во-первыхъ, крайне незначительна, а во-вторыхъ—относительно все болѣе падаетъ.

Это вполне понятно. Сама Германія еще сравнительно молодая капиталистическая страна. Она далеко еще не превратилась въ международнаго банкира—не

въ примѣръ Англій, Франціи и Бельгіи. И она далеко не такъ заинтересована въ экспортѣ своего капитала, который поглощается ея собственной бурно растущей индустріей. Въ Россіи Германія видитъ колоссальный рынокъ для своихъ фабрикатовъ. И заинтересована она въ томъ, чтобы открыть для себя этотъ рынокъ. Экспортъ же въ Россію капиталовъ является для Германіи просто способомъ обхода нашихъ таможенныхъ загражденій. Капиталъ, не подлежащій обложенію, вывозится къ намъ въ виду затруднительности ввоза продуктовъ. Разговоры о нѣмецкомъ засильѣ на почвѣ импорта германскаго капитала можно было бы отнести на счетъ чистаго недоразумѣнія, если бы не было на лицо именно этой формы ввоза капитала—основанія германскихъ предприятий на русской почвѣ. Для потребительскихъ массъ и производительныхъ силъ страны эти германскія, а главнымъ образомъ англійскія, французскія и бельгійскія предприятия приносятъ большую пользу; во-первыхъ, они оказываютъ понижательное дѣйствіе на уровень цѣнъ предметовъ потребленія, орудій и машинъ; во-вторыхъ, они потребляютъ русскую рабочую силу и повышаютъ на нее спросъ и цѣну. Но это, какъ и всякая конкуренція, совсѣмъ не нравится заинтересованнымъ группамъ нашихъ промышленниковъ; это лишаетъ ихъ монопольнаго положенія на рынкѣ и отнимаетъ у нихъ сверхприбыль, которую выплачивала бы имъ нація въ ущербъ развитію своихъ производительныхъ силъ.—Развѣ не довольно этого для криковъ о засильѣ?... Услужливая пресса, безъ лишнихъ и вредныхъ разъясненій, легко возведетъ его на степень національнаго бѣдствія. И вотъ несчастный обыватель уже превращенъ въ унтеръ-офицерскую вдову... Надо, однако, сказать, что въ „концессіи“ нѣмецкаго засилья импортъ германскаго капитала и не играетъ существенной роли.

Фактором нашего порабощения выставляется, главным образом, германская торговая политика. И, в частности, лишить нас экономической независимости должен торговый договор, который продиктует намъ Германия въ случаѣ своей побѣды. Вотъ что превратитъ 180-милліонную капиталистическую страну въ германскую колонию.

* * *

Этотъ „колоніальный“ анекдотъ еще до войны былъ придуманъ московскимъ профессоромъ и сотрудникомъ „Рус. Слова“, г. Гольдштейномъ. И, конечно, въ наукѣ и въ печати, это измышленіе квалифицировалось просто какъ боевой лозунгъ „Совѣта Съѣздовъ“, всѣ „патріотическія“ пѣсни котораго поются на одинъ мотивъ—о запретительномъ тарифѣ. Всѣ, способные стать на общенациональную точку зрѣнія, прекрасно оцѣнивали и беспочвенность московскихъ измышленій и крайнюю опасность выводовъ... Такъ было. Но не то теперь, когда самыя крайніе выводы уже сдѣланы, и нетрезвая мысль бьется въ поискахъ ихъ рациональнаго обоснованія. Теперь и патріотичный, хотя и неосвѣдомленный обыватель, руководимый „биржевой“ прессой, и въ высшей степени патріотичный и столь же освѣдомленный Туганъ-Барановскій, всегда боровшійся съ нашей протекціонистской системой, и не столь патріотичный и не столь освѣдомленный Плехановъ, всегда защищавшій интересы не „Совѣта Съѣздовъ“, а противоположнаго класса—всѣ въ одинъ голосъ твердятъ о грозящемъ экономическомъ рабствѣ. Рабство это принесетъ намъ тотъ торговый договоръ, который намъ продиктуетъ Германия въ случаѣ своей побѣды. А кстати вспоминаютъ и о невыгодахъ прежняго договора; аргументацію усиливаютъ, присовокупляя къ оборонительнымъ доводамъ еще и освободительные.

„При своей побѣдѣ, — пишетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ экономистовъ, имѣющей передъ русской наукой огромныя и еще не оцѣненныя заслуги,—при своей побѣдѣ Германия прежде всего продиктовала бы Россіи условія торговаго договора, которыми была бы, если не окончательно убита, то въ значительной степени ослаблена русская промышленность. И безъ того медленный ростъ городского населенія совершенно прекратился бы, и страна была бы въ своемъ экономическомъ развитіи на десятки лѣтъ отброшена назадъ. Ей грозила бы судьба Ирландіи. Промышленные классы исчезли бы или играли бы ничтожную роль... Съ другой стороны, и земледѣльческое населеніе стало бы раззоряться отъ невыгоднаго торговаго договора, въ которомъ Германия прежде всего защищала бы интересы аграріевъ на ряду съ интересами промышленниковъ... Въ отношеніяхъ къ Россіи, вызвавшихъ войну, Германией руководило стремленіе измѣнить таможенную политику въ свою пользу, превратитъ Россію въ колонию путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д.“

Цитируемый экономистъ не кто иной, какъ Петръ Масловъ—одинъ изъ основоположниковъ русскаго марксизма. Казалось бы, въ этихъ дѣлахъ ему можно повѣрить на слово. Ни классовые жупелы г. Гольдштейна, ни военныя „эмоціи“, ни слабая освѣдомленность, повидимому, здѣсь силы не имѣютъ. И если Масловъ рисуетъ намъ грозныя перспективы „эксплуатаціи“, „колоніи“ и „гибели промышленности“, то ясно, что отмахнуться отъ вопроса здѣсь нельзя. Аргументъ о торговомъ договорѣ пріобрѣтаетъ весьма солидный вѣсъ, и надо разобрать его *sine ira et studio*.

Мы должны взглянуть прежде всего на характеръ торговаго обмѣна между Германией и Россіей; а затѣмъ должны проникнуть въ самое существо договорныхъ

нормъ и уяснить себѣ, какія же именно конкретныя свойства существующаго и ожидаемаго договоровъ и кому именно—выгодны или невыгодны.

Для Россіи Германія является главнымъ контрагентомъ по ви́шней торговлѣ: около трети нашихъ оборотовъ приходится на Германію. Въ германской же ви́шней торговлѣ главную роль играетъ Англія, а потомъ уже Россія. Въ Англію Германія больше вывозитъ, чѣмъ ввозитъ изъ нея (т. е. имѣетъ съ нею активный торговый баланс); изъ Россіи же Германія больше получаетъ, чѣмъ продаетъ (пассивный торговый баланс).—Что получаетъ и что продаетъ? Ве́мъ это хорошо извѣстно: Россія экспортируетъ вообще и въ Германію, въ частности, въ подавляющемъ процентѣ сырье и жизненные припасы. Германія же экспортируетъ, главнымъ образомъ (на $\frac{2}{3}$), готовые издѣлія, которыя и составляютъ главныя статьи русскаго импорта изъ Германіи. Чѣмъ объясняется такой характеръ нашего обмена съ враждебнымъ государствомъ?

Причина совершенно ясна и не можетъ возбуждать сомнѣній. Россія, огромная земледѣльческая страна, несравненно моложе Германіи по своему промышленному развитію. Мы богаты хлѣбомъ, лѣсомъ, продуктами животноводства; но наша собственная промышленность еще совершенно не въ состояніи насытить нашего огромнаго внутренняго рынка. Насколько велика наша потребность въ иноземныхъ фабрикатахъ, показываетъ хотя бы то обстоятельство, что даже во время войны мы не смогли совершенно отказаться отъ германскаго ввоза и только обложили германскіе продукты двойной пошлиной. О томъ, чтобы въ настоящее время сколько-нибудь замѣтно развить вывозъ фабрикатовъ на ви́шніе (да еще европейскіе) рынки, не можетъ быть и рѣчи. И наоборотъ Германія можетъ ввозить къ намъ только необходимые для насъ продукты

индустріи и не можетъ замѣтно развить экспортъ въ Россію жизненныхъ припасовъ и сырья. Казалось бы, все совершенно очевидно и каждому давно знакомо.

Но вотъ что пишетъ г. Тугана-Барановскій, забывшій нынѣ свою старую науку для нуждъ военнаго времени. Сущность нашего прежняго договора съ Германіей „сводилась къ тому, что Германія не только значительно повысила пошлины на предметы русскаго ввоза, но и скомбинировала свои пошлины такимъ образомъ, что Россія должна была ввозить въ Германію продукты въ сыромъ видѣ, получая изъ Германіи замѣнъ продукты въ переработанномъ видѣ“. Вотъ, оказывается, чѣмъ надо объяснять описанный характеръ обмена. Практическій же выводъ г. Тугана-Барановскаго тотъ, что „слѣдуетъ прекратить такую дифференціацію германскихъ пошлинъ, при которой въ Германію могутъ поступать только необработанныя русскія издѣлія (?), а для переработанныхъ издѣлій германскій рынокъ оказывается закрытымъ“...¹⁾ Приходятъ на память слова Михайловскаго по поводу одной изъ „эволюцій“ нашего автора: „великій грѣхъ беретъ на свою душу господинъ Туганъ“. Только этотъ грѣхъ несравненно больший. Въ самомъ дѣлѣ, совершенную вздорность подобныхъ утвержденій доказывать не приходится. Доказывать-то, собственно, слѣдовало бы самому ихъ автору; но мы знаемъ, что нынѣ вошелъ въ силу обычай говорить не аргументами, а одними выкриками. Конечно, и въ данномъ случаѣ, доказательствъ, иллюстрацій, примѣровъ—никакихъ... Огромная германская индустрія не только сначала насыщаетъ свой внутренній рынокъ, но и тѣснитъ промышленность старѣйшихъ капиталистическихъ странъ—не только на нейтральной почвѣ, но и на ихъ собственныхъ внутреннихъ рынкахъ.

¹⁾ См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», «Война и народное хозяйство», стр. 20—22.

Кто же повѣритъ серьезности убѣжденія г. Тугана-Барановскаго въ томъ, что для нашей индустріи германскій рынокъ закрываетъ именно „дифференціація пошлинъ?“ О фактахъ почтенный авторъ молчитъ. Намъ же нѣтъ нужды молчать о фактѣ, который послужилъ поводомъ къ примѣненію даннаго агитаціоннаго приѣма. „Комбинація“ германскихъ пошлинъ (наряду съ повышеніемъ ихъ) состоитъ въ томъ, что Германія, договоромъ 1904 г., понизила пошлины на русскій необдѣланный лѣсъ, повысивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставки на обработанные лѣсные матеріалы. Вотъ и все, что могли устами г. Тугана-Барановскаго высказать наши промышленники о томъ ущербѣ, который наноситъ имъ существующій договоръ въ интересахъ экспортеровъ сырого лѣса ¹⁾.

Итакъ, описанный характеръ нашего обмѣна съ Германіей обуславливается не искусственными политическими причинами, а естественными экономическими. Наши взаимоотношенія дѣйствительно имѣютъ такія черты, которыя характерны и для отношенія метрополій къ колоніямъ: къ намъ, какъ въ колонію, ввозятся капиталы и фабрикаты взамѣнъ сырья и жизненныхъ припасовъ. Но здѣсь аналогія и кончается. Ибо, во-первыхъ, отношенія эти возникли исключительно на почвѣ нашего болѣе поздняго выступленія на путь капиталистическаго развитія, — безъ всякаго участія виѣкономическихъ факторовъ, политическаго захвата, закрѣпленія вліянія и т. п.; во-вторыхъ, тѣ, кто считаетъ возможнымъ употреблять примѣнительно къ Россіи терминъ „колонія“, должны бы считать „метрополіей“ никакъ не Германію, а скорѣе Францію или Англію, которая ввозитъ къ намъ, правда, вдвое меньше фабри-

¹⁾ См. изданный въ Харьковѣ сборникъ «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей», ст. г. Пискунова «Русское общество» мнѣніе о торг. догов. съ Герм.», Харьковъ, 1913.

катовъ, но за то въпятеро больше капиталовъ; въ-третьихъ, нашъ обмѣнъ съ Германіей носитъ въ себѣ (не въ примѣръ Англіи) такія черты, которыя совершенно не свойственны обмѣну метрополій и колоній: Германія отгородилась отъ своей „колоніи“ огромными пошлинами на всѣ главнѣйшіе продукты русскаго экспорта, — и это обложеніе, въ случаѣ побѣды, Германія стремится усилить, тогда какъ Россія добывается обратнаго (очевидно, для того, чтобы помочь превращенію себя въ „колонію“) ... Впрочемъ, со всѣмъ этимъ мы сейчасъ же столкнемся вплотную: это относится уже къ торговой политикѣ и, въ частности, къ нашему торговому договору съ Германіей, на сущность котораго мы теперь и должны взглянуть.

* * *

Нашъ торговый обмѣнъ съ Германіей до войны регулировался договоромъ 1894 г., дополненнымъ конвенціей 1904 г., вступившей въ силу въ 1908 г. Война прекратила дѣйствіе этого договора, — къ невыгодѣ не только для Германіи, но и для Англіи, на которую распространялись всѣ его льготы.

Объ договорившіяся страны ведутъ крайнюю протекціонистскую политику. Германія облагаетъ огромными пошлинами ввозимые ею продукты русскаго земледѣлія, скотоводства, лѣсоводства и т. д.; Россія не въ меньшихъ размѣрахъ облагаетъ нѣмецкіе фабрикаты. — Кому такое положеніе дѣлъ выгодно и кому не выгодно? Совершенно ясно и каждому извѣстно. Оно выгодно для германскихъ аграріевъ, такъ какъ хлѣбныя пошлины держатъ на огромномъ уровнѣ хлѣбныя цѣны внутри Германіи; но оно не выгодно для русскихъ сельскохозяйственныхъ классовъ, такъ какъ понижаетъ цѣны на продукты нашего сельскаго хозяйства. Оно

выгодно нашимъ промышленникамъ, такъ какъ ограждаетъ ихъ отъ германской конкуренціи; но оно не выгодно германскому индустриальному капиталу, такъ какъ закрываетъ для него огромный русскій рынокъ или заставляетъ вывозить фабрикаты по рѣзко пониженнымъ цѣнамъ. Какъ видимъ, въ каждой изъ странъ интересы промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ классовъ совершенно различны.

Чего же Россія и Германія могутъ достигнуть въ результатъ войны? Германія стремится сохранить или повысить свои ввозныя сельскохозяйственныя пошлины въ интересахъ своихъ аграріевъ и понизить или уничтожить русскія ввозныя промышленныя пошлины для своихъ промышленниковъ. Вотъ какими путями она „поработитъ“ Россію, въ случаѣ побѣды, и превратитъ ее въ свою колонію. Россія стремится открыть себѣ германскій сельскохозяйственный рынокъ, т. е. понизить или уничтожить германскія хлѣбныя пошлины для своихъ сельскохозяйственныхъ классовъ и сохранить или повысить свои ввозныя пошлины на фабрикаты въ интересахъ промышленнаго населенія. Вотъ какими средствами Россія избавится отъ „порабощенія“ и достигнетъ „независимаго“ экономическаго развитія.—Таковы основныя задачи германской и русской торговой политики, подлежащія осуществленію въ настоящей войнѣ. Таковы главныя конкретныя черты всѣхъ знакомыхъ намъ формулъ о „порабощеніи“ и „освобожденіи“. Таковы пути и средства, которыми торговый договоръ способенъ создать экономическое „рабство“ или экономическую „свободу“.

Мы интересуемся вопросомъ, чего ждетъ Россія отъ войны. Поэтому, рассмотримъ, что долженъ намъ дать торговый договоръ съ тѣми или иными конкретными чертами. Мы видимъ, что торговый договоръ надлежитъ оцѣнивать съ двухъ сторонъ: одна касается

условія нашего импорта, т. е. нашихъ ввозныхъ пошлинъ и интересовъ нашей промышленности; другая—условія нашего экспорта, т. е. германскихъ аграрныхъ пошлинъ и нашего сельскаго хозяйства. Проникнемъ нѣсколько поглубже—сначала въ первую область, а затѣмъ во вторую.

О размѣрахъ, формахъ и значеніи нашего протекціонизма до войны не было двухъ мнѣній. Никто не сомнѣвался въ томъ, что нашъ таможенный тарифъ уже давно превзошелъ всѣ допустимыя нормы рациональнаго „поощренія“ отечественной индустріи. Уже давно, изъ фактора содѣйствія экономическому подъему, наша таможенная система превратилась въ тормазъ производительныхъ силъ страны и въ путы для самой промышленности. Для нея не хватаетъ сырья и орудій; въ послѣдніе годы „голодь“ угольный, чугунный, нефтяной—смѣняютъ другъ друга; огромныя пошлины на машины и аппараты, на шерсть, хлопокъ, химическіе продукты—задерживаютъ сельскохозяйственный прогрессъ, удорожаютъ производство предметовъ питанія, одежды, домашняго обихода и ложатся тяжелой данью на потребителя. Подъ такимъ „покровительствомъ“ таможенной системы у насъ пышно расцвѣли всякаго рода синдикатскія соглашенія промышленниковъ, которые стали полными хозяевами на нашемъ рынкѣ и облагаютъ народныя массы дополнительной данью, составляющей ихъ неслыханныя въ Европѣ барыши. Кому все это выгодно?

До войны у любого представителя общественной мысли былъ всегда одинъ отвѣтъ: это выгодно однимъ только ничтожнымъ, но сильнымъ группамъ „объединенныхъ“ промышленниковъ, но крайне вредно всей націи, ея народнымъ массамъ и развитію ея производительныхъ силъ. Общественная мысль всегда неизмѣнно боролась съ такимъ положеніемъ дѣлъ, отстаивая

вала пониженіе и уничтоженіе таможенныхъ загражденій и открытіе или пріоткрытіе нашего промышленнаго рынка для свѣжаго воздуха европейской конкуренціи. Это—единственная точка зрѣнія, соответствующая общенациональнымъ интересамъ и нуждамъ народныхъ массъ¹⁾. Напротивъ, обратныхъ мѣръ всегда добива-

¹⁾ ...Пониженіе пошлинъ на иностранные фабрикаты,—пишетъ специалистъ по нашей таможенной политикѣ, проф. Соболевъ,—не только облегчить процессъ заключенія нами договора съ Германией, но и будетъ отвѣчать интересамъ русскаго народнаго хозяйства въ цѣломъ. Дѣйствующій таможенный тарифъ подлежитъ коренной переработкѣ въ сторону постепеннаго пониженія, такъ какъ многія его статьи носятъ явно запретительный характеръ и, даже по признанію самого министерства финансовъ, превышаютъ норму требуемаго покровительства. Въ этомъ пониженіи пошлинъ заинтересованы миллионы потребителей, въ томъ числѣ и массы земледѣльческаго населенія Россіи». См. «Экономич. значеніе рус.-герм. договора», цит. сб., II.—«Когда выступаютъ центральныя промышленныя организациі, говорящія отъ имени всего отечественнаго капитала, онѣ, конечно, высоко держатъ знамя протекціонизма, славословятъ его и требуютъ всемѣрнаго усиленія. Но какъ только заговорятъ представители отдѣльныхъ промышленныхъ отраслей картина моментально мѣняется. вмѣсто идиллической гармоніи получается полная какофонія... Машиностроители горько жалуются на дороговизну желѣза, угля и прочихъ сырыхъ матеріаловъ и требуютъ беспошлиннаго или льготнаго ввоза ихъ изъ-за границы. А производители угля, желѣза и т. п., въ свою очередь, сѣтуютъ на дороговизну необходимыхъ машинъ, задерживающихъ введеніе техническихъ усовершенствованій, и также требуютъ пониженія пошлинъ. Подобныя жалобы выдвигаются буквально всѣми отраслями промышленности, и дня не проходитъ, чтобы какая-нибудь изъ нихъ не возбудила ходатайства о пониженіи пошлины». («Русское Слово», цит. изъ «Т.-П. Юга» № 12—1912 г. стр. 36).

О томъ же говоритъ г. Л. Кафенгаузъ: «Усиленный протекціонизмъ становится уже въ тягость массѣ промышленныхъ предприятий. Здѣсь достаточно сослаться на постановленія льнопрядильщиковъ, требовавшихъ года два тому назадъ отмѣны пошлинъ на прядильныя машины, на ходатайства цѣлаго ряда свѣздовъ фабрикантовъ и заводчиковъ о пониженіи пошлинъ на чугуны, желѣзо, сталь и т. д. При существующихъ у насъ высокихъ

лишь представители нашего промышленнаго капитала; ихъ завѣтной мечтой всегда былъ запретительный тарифъ или новыя повышенія ставокъ,—что мотивировалось, конечно, не иначе, какъ защитой интересовъ націи и гибелью отечественной промышленности отъ иностраннаго засилья. Война дала прекрасный выходъ ихъ вождедѣніямъ на широкую общественную арену; ихъ лозунгъ о „засильѣ“ былъ подхваченъ печатью и обывателемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и войнѣ стала навязываться цѣль создать желательныя имъ нормы торговаго обмѣна съ Германией; продиктованныя ими, эти нормы отдали бы всю Россію на „кормленіе“ небольшой кучкѣ „лиходѣевъ“, которыхъ Марковъ 2-й совѣтовалъ не подпускать на пушечный выстрѣлъ къ дѣлу государственной обороны.

Какъ это ни возмутительно и ни противоестественно, толки о нѣмецкомъ засильѣ исходятъ именно съ ихъ стороны, и ими форсируются и служатъ для нихъ орудіемъ затемненія обывательскихъ мозговъ. Уже въ первые мѣсяцы войны, когда отсутствіе импорта прибавило къ обычнымъ „голодамъ“ еще нѣсколько новыхъ (бумажный, красочный, машинный—для сельскаго хозяйства), наши промышленники подняли крикъ о повышевіи пошлинъ. А затѣмъ пошли — обвинительные акты противъ русско-германскаго договора 1904 г. съ точки зрѣнія интересовъ промышленности и разработка нормъ будущаго договора, способнаго обезпечить отечественной индустріи „независимое развитіе“.

Какія же нормы прежняго договора „порабощали“

пошлинахъ на сырье и полуфабрикаты крайне тормозится развитіе машиностроенія, химической промышленности, а между тѣмъ интересы индустріализаціи страны требуютъ развитія именно этихъ отраслей нашего народнаго хозяйства».

См. сб. статей «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германией». Харьковъ. 1913.

ишени она невыгодна, то потому, что она слишком мало открывает наш рынок для здоровой европейской (одинаково—германской, английской, французской) конкуренции, слишком недостаточно избавляет нас от дани и кабалы нашим собственным синдикатчикам. Наша прогрессивная литература и экономическая мысль всегда отстаивала гораздо более интенсивное понижение таможенных ставок, не сомневаясь в огромной выгоде этого для нашей национальной экономики.

Промышленники смотрят на дело иначе. Они также считают невыгодными существующие конвенционные скидки. Но они кричат об их недопустимости, об их „гибельности“ и „раззорительности“ для российской индустрии. И добиваются они совершенно противоположного: уничтожения конвенционных скидок, возвращения к единому общему тарифу и нового его повышения—до тех предель, когда застанут от невыносимой дороговизны потребительские массы, застопорятся производительные силы страны и задохнется в „автономной“ атмосфере сама промышленность. И основной задачей войны они считают завоевание такого „выгодного“ торгового договора.

В этом заключается огромная национальная опасность. Правда, ни вождества, ни данная „программа“ промышленников не представляют ничего нового. Но в мирное время позиция их всеми оценивалась по достоинству. Теперь же, когда они хотят отождествить свои аппетиты с задачами мировой войны, они находят поддержку не только у бульварных и „передовых“ газет, но и у серьезных экономистов, всегда служивших интересам демократии. Надо ли после этого удивляться, что несчастный обыватель, твердя лозунг о немцах засилье и не понимая его смысла, совершенно не подозревает, на кого он

работает, и искренне надеется от дождя спрятаться в воду...

Выше мы цитировали утверждения П. Маслова, что торговый договор, продиктованный Германией, „уничтожит нашу промышленность“, „отбросит наше развитие на десятки лет назад“, „прекратит рост городского населения“ и т. д. Утверждения эти касаются именно данной стороны торгового договора: условий ввоза из Германии в Россию. То есть П. Маслов полагает, что устранение наших ввозных пошлин или понижение их погубит нашу индустрию, которая только и держится сверхъестественным протекционизмом и не может вынести ни свободной конкуренции, ни умеренного покровительства — хотя бы по системе Листа. Отсюда необходимо вытекают такие выводы: вооруженный отпор Германии должен избавить нас от торгового договора, открывающего германскому вывозу русский рынок, и должен оставить в силе нашу протекционистскую систему. Торговый договор, по видимому, не имеет иных средств „уничтожить“ и защитить промышленность, кроме таможенных пошлин. Следовательно, утверждение Маслова, по видимому, нельзя толковать в каком либо ином смысле... От промышленников и их приспешников—ученых и не особенно ученых—мы все уже давно привыкли слышать уверения, что малейшее понижение пошлин приведет промышленность на край гибели. Этим перманентным угрозам и жалобам никто, конечно, не верил; на них смотрели как на риторические фигуры и не думали принимать их за чистую монету. Но как же истолковать теперь тот факт, что исконные представители интересов демократии, Маслов, Плеханов, в союз с „марксистскими“ писателями, г.г. Юрданским, Туганом-Барановским и Финном-Евстаевским, заговорили ни-

нѣ въ серьезъ риторическими формулами г. Гольдштейна и Совѣта Стѣядовъ?.. Борьба съ нашимъ протекціонизмомъ была ихъ традиціонной „линіей поведенія“, отмѣна таможенныхъ пошлинъ или ихъ рѣзкое пониженіе всегда составляли ихъ программныя desiderata. Какія же силы могли во мгновение ока превратить Фритредеровъ въ неумѣренныхъ протекціонистовъ? — Свои положенія названные авторы, къ сожалѣнію, только постулируютъ, но ничѣмъ не доказываютъ. Ходъ ихъ мыслей, приведшій къ печальному перевороту, остается намъ неизвѣстнымъ. Ихъ новыхъ положеній, повидимому, никакъ нельзя истолковать иначе. Но чтѣ заставило ихъ выступать съ ними — понять невозможно. Отнесемъ эту грустную метаморфозу, до дальнѣйшаго матеріала, на счетъ „военной“ психологіи, на счетъ эмоций, на счетъ власти событій, которая въ военную эпоху натворила и не такихъ чудесъ...

Мы разсмотрѣли вкратцѣ значеніе торговаго договора въ той части, которая касается условій импорта въ Россію иноземныхъ и, въ частности, германскихъ товаровъ. Мы знаемъ, какія условія ввоза кому выгодны и кому вредны. Мы знаемъ, какія задачи приписываются въ данной области войнѣ и какъ въ данномъ случаѣ надо толковать лозунгъ о нѣмецкомъ засильѣ и порабощеніи. Лозунгъ въ полномъ ходу и дѣлаетъ свое дѣло въ интересахъ промышленнаго капитала. Но, какъ видимъ, нельзя сказать, чтобы этотъ, „матеріальный“ мотивъ „пріятія“ войны былъ убѣдительно разработанъ въ нашей лѣвой литературѣ.

Любопытно, однако, взглянуть, каковы дѣйствительныя перспективы будущихъ торговыхъ договоровъ при условіи разгрома Германіи. Есть ли у нашихъ промышленниковъ шансы, даже при этомъ условіи, осуществить свои мечты и создать, къ невыгодѣ для всей націи, такія нормы внѣшняго торговаго обмѣна, кото-

ры закрывали бы нашъ рынокъ отъ иностранной конкуренціи и избавляли бы насъ отъ иноземнаго „засилья“?

„Не безразлично, — пишетъ въ той же брошюрѣ П. П. Масловъ, — кто является „гегемономъ“ на міровомъ рынкѣ, Англія или Германія... Побѣда Германіи предрѣшаетъ экономическую зависимость и эксплуатацію Россіи, между тѣмъ какъ побѣда англійскаго империализма обезпечиваетъ полную свободу договоровъ и полное освобожденіе отъ насильственной эксплуатаціи страны, — не только потому, что Англія страна свободной торговли и можетъ только содѣйствовать постепенному развитію свободы торговли въ другихъ странахъ, но и потому, что побѣда надъ Германіей не грозитъ военнымъ натискомъ на Россію со стороны Англіи“.

Подобныя ауспиціи еще усугубляютъ интересъ къ той работѣ, которая уже ведется въ союзныхъ странахъ и имѣетъ цѣлью намѣтить будущія торговыя отношенія союзныхъ государствъ между собою и къ побѣжденной Германіи.

Очень характерна въ этомъ отношеніи статья о торговыхъ договорахъ, помѣщенная въ „русскомъ“ приложеніи къ „Times“ за 1915 г. Правда „Times“ формально не является англійскимъ офиціозомъ. Однако, въ настоящее время, съ капитуляціей англійскаго либерализма, отмѣченнаго широкими социальными реформами послѣднихъ лѣтъ, съ образованіемъ „коалиціоннаго“ министерства, — духъ „унионизма“ пріобрѣлъ не только право гражданства, но и силу господства въ англійскихъ руководящихъ кругахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Times“ нынѣ надо считать фактическимъ выразителемъ настроеній, цѣлей и надеждъ современной офиціальной Англіи. Говоря о будущихъ торговыхъ отношеніяхъ къ Германіи, „Times“ полагаетъ, что Англіи надлежитъ порвать со своей традиціонной политикой

свободной торговли и не допускать къ себѣ германскихъ товаровъ на равныхъ условіяхъ съ другими странами. Что же касается Россіи, то, по мнѣнію „Times“, она, не давая впредь Германіи особыхъ льготъ, не должна послѣ войны и распространять на нее право наибольшаго благопріятствования. Для Германіи, слѣдовательно, предполагается торговая изоляція, на подобіе той „континентальной системы“, какую нѣкогда установилъ для самой Англійи Наполеонъ. Такимъ образомъ, надежды П. П. Маслова на торжество принципа свободной торговли совершенно не находятъ себѣ подтвержденія въ существующихъ проектахъ самихъ дѣйствующихъ группъ. Напротивъ, эти проекты предполагаютъ созданіе вполне законченной торговой системы, которая будетъ основана на совершенно противоположныхъ принципахъ и будетъ реализована чисто политическими средствами.

Но какія отношенія предусматриваются между Англійей и Россіей? При своемъ экспортѣ въ Россію, Англія пользуется правами наиболѣе благопріятствуемаго государства. Никакихъ особыхъ льготъ, въ силу договора съ Россіей, Англія не имѣетъ, такъ какъ она, будучи страной свободной торговли, ничего не могла бы предоставить Россіи взаменъ. Изъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Франціей, Италіей, Португаліей—Англія не можетъ извлечь существенныхъ выгодъ для своей торговли: продукты, импортируемые Россіей изъ этихъ странъ, не играютъ сколько-нибудь существенной роли въ британской внѣшней торговлѣ. Въ качествѣ наиболѣе благопріятствуемой страны, Англія пользовалась, главнымъ образомъ, тѣми льготами, какія были установлены знакомымъ намъ русско-германскимъ договоромъ 1904 года. Теперь, съ прекращеніемъ дѣйствія этого договора, Англія снова принуждена регулировать свой экспортъ въ Россію на-

шимъ общимъ таможеннымъ тарифомъ. Конечно, это для нея очень невыгодно. И вотъ „Times“ предусматриваетъ заключеніе съ Россіей послѣ войны новаго торговаго договора, который предоставлялъ бы британскому экспорту особыя льготы—не распространяемыя на Германію. Но что же, опять таки, Англія можетъ предоставить намъ взаменъ? На этотъ счетъ „Times“ дѣлаетъ характерное указаніе: „въ англійскихъ дѣловыхъ кругахъ полагаютъ, что русскія льготы британскому экспорту должны разсматриваться въ свѣтъ той финансовой поддержки, какую мы оказали Россіи при веденіи войны“. Sapienti sat.

Совершенно аналогичные проекты разрабатываются и въ „дѣловыхъ кругахъ“ Франціи. Парижская торговая палата, по предложенію министра финансовъ, сдѣлала свое заключеніе относительно пересмотра условій французскаго экспорта въ Россію. Помимо соответствующихъ измѣненій нашего таможеннаго устава и т. п., парижская торговая палата считаетъ необходимымъ, въ дополненіе къ существующей конвенціи 1905 г., понизить русскія пошлины на цѣлый рядъ предметовъ, экспортируемыхъ французской индустріей.

Что же все это означаетъ? Это означаетъ: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Эту „природу“ мы назовемъ свѣжимъ воздухомъ европейской конкуренціи, которой намъ не избѣжать и послѣ изоляціи Германіи, къ выгодѣ нашего народнаго хозяйства, къ благополучію потребительскихъ массъ. Но какъ назовутъ ее наши промышленники? Полагаютъ ли они, что покончивъ съ нѣмецкимъ „засильемъ“, они получатъ русскаго обывателя въ свое монопольное владѣніе и нераздѣльное господство?.. Если полагаютъ, то сильно разочаруются. „Засилья“ не миновать. И намъ говорить, что за него мы уже получили авансъ. Тѣ страшныя перспективы, которыя рисовали Масловъ и Юрданъ

свободной торговли и не допускать къ себѣ германскихъ товаровъ на равныхъ условіяхъ съ другими странами. Что же касается Россіи, то, по мнѣнію „Times“, она, не давая впредь Германіи особыхъ льготъ, не должна послѣ войны и распространять на нее право наибольшаго благопріятствования. Для Германіи, слѣдовательно, предполагается торговая изоляція, на подобіе той „континентальной системы“, какую нѣкогда установилъ для самой Англійи Наполеонъ. Такимъ образомъ, надежды П. П. Маслова на торжество принципа свободной торговли совершенно не находятъ себѣ подтвержденія въ существующихъ проектахъ самихъ дѣйствующихъ группъ. Напротивъ, эти проекты предполагаютъ созданіе вполне законченной торговой системы, которая будетъ основана на совершенно противоположныхъ принципахъ и будетъ реализована чисто политическими средствами.

Но какія отношенія предусматриваются между Англійей и Россіей? При своемъ экспортѣ въ Россію, Англія пользуется правами наиболѣе благопріятствуемаго государства. Никакихъ особыхъ льготъ, въ силу договора съ Россіей, Англія не имѣетъ, такъ какъ она, будучи страной свободной торговли, ничего не могла бы предоставить Россіи взаменъ. Изъ договоровъ, заключенныхъ Россіей съ Франціей, Италіей, Португаліей—Англія не можетъ извлечь существенныхъ выгодъ для своей торговли: продукты, импортируемые Россіей изъ этихъ странъ, не играютъ сколько-нибудь существенной роли въ британской виѣшной торговлѣ. Въ качествѣ наиболѣе благопріятствуемой страны, Англія пользовалась, главнымъ образомъ, тѣми льготами, какія были установлены знакомымъ намъ русско-германскимъ договоромъ 1904 года. Теперь, съ прекращеніемъ дѣйствія этого договора, Англія снова принуждена регулировать свой экспортъ въ Россію на-

шимъ общимъ таможеннымъ тарифомъ. Конечно, это для нея очень невыгодно. И вотъ „Times“ предусматриваетъ заключеніе съ Россіей послѣ войны новаго торговаго договора, который предоставлялъ бы британскому экспорту особія льготы—не распространяемыя на Германію. Но что же, опять таки, Англія можетъ предоставить намъ взаменъ? На этотъ счетъ „Times“ дѣлаетъ характерное указаніе: „въ англійскихъ дѣловыхъ кругахъ полагаютъ, что русскія льготы британскому экспорту должны разсматриваться въ свѣтъ той финансовой поддержки, какую мы оказали Россіи при веденіи войны“. Sapienti sat.

Совершенно аналогичные проекты разрабатываются и въ „дѣловыхъ кругахъ“ Франціи. Парижская торговая палата, по предложенію министра финансовъ, сдѣлала свое заключеніе относительно пересмотра условій французскаго экспорта въ Россію. Помимо соотвѣствующихъ измѣненій нашего таможеннаго устава и т. п., парижская торговая палата считаетъ необходимымъ, въ дополненіе къ существующей конвенціи 1905 г., понизить русскія пошлины на цѣлый рядъ предметовъ, экспортируемыхъ французской индустріей.

Что же все это означаетъ? Это означаетъ: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Эту „природу“ мы назовемъ свѣжимъ воздухомъ европейской конкуренціи, которой намъ не избѣжать и послѣ изоляціи Германіи, къ выгодѣ нашего народнаго хозяйства, къ благополучію потребительскихъ массъ. Но какъ назовутъ ее наши промышленники? Полагаютъ ли они, что покончивъ съ нѣмецкимъ „засильемъ“, они получатъ русскаго обывателя въ свое монопольное владѣніе и нераздѣльное господство?.. Если полагаютъ, то сильно разочаруются. „Засилья“ не миновать. И намъ говорить, что за него мы уже получили авансъ. Тѣ страшныя перспективы, которыя рисовали Масловъ и Юрданъ

ский, могли бы осуществиться и безъ участія Германіи... если бы онѣ вообще могли осуществиться. Если съ побѣжденной Германіи мы заключимъ такъ называемый „выгодный“ договоръ, то все такъ называемыя „невыгоды“ и „засилье“ намъ придется испытать отъ союзниковъ. Русскій рынокъ привлекателенъ для каждой развитой индустріи, завоевывающей себѣ экспортъ вооруженной рукой... Конечно, въ дѣйствительности это новое „засилье“, это наводненіе Россіи англійскими и французскими продуктами совершенно не страшно и даже полезно. Но что скажутъ тѣ, кто задачи войны толкуетъ, какъ созданіе „независимой“ промышленности, и предвкусываетъ раздолье на отечественномъ рынкѣ, наглухо забитомъ со всѣхъ сторонъ?.. 1).

1) О зависимости, подчиненіи, поработченіи Россіи Германіей стало умѣстнымъ и «патріотичнымъ» говорить только теперь, во время войны. Раньше вопросъ о томъ, кто сильнѣе и кто отъ кого зависитъ обыкновенно рѣшался иначе. Правда, вопросъ этотъ—въ значительной степени дутый, фиктивный. Ибо въ принципѣ надо предполагать, что оба контрагента другъ отъ друга зависятъ и не зависятъ въ одинаковой степени. Но все же—вотъ какія справедливыя мысли умѣлъ высказывать до войны, напр., г. Туганъ-Барановскій. По его мнѣнію, «Россія, какъ страна натурального или полунатурального хозяйства, меньше можетъ пострадать отъ нарушенія сложившихся торговыхъ сношеній, чѣмъ Германія, государство съ сильно развитой промышленностью; въ отсталости Россіи въ дѣлѣ развитія въ ней товаро-капиталистическаго хозяйства кроется въ настоящее время источникъ ея силы: чѣмъ меньше развито въ странѣ товарное хозяйство, тѣмъ менѣе гибельно отражается на ней сокращеніе рынка для сбыта ея произведеній. Напротивъ, для страны, всецѣло втянутой въ товарное хозяйство, потеря даже небольшого рынка можетъ быть губительной и раззорить народное хозяйство. Поэтому Россія не является такой слабой въ сравненіи съ Германіей, какъ можно было бы думать при сопоставленіи данныхъ о товарообмѣнѣ. Потеря германскаго рынка для Россіи въ случаѣ таможенной войны, не была бы столь тяжелой, какъ потеря для Германіи русскаго рынка». (По реферату доклада проф. М. И. Туганъ-Барановскаго въ «Экономистѣ Россіи»

* * *

Невыгоды нашего торговаго обмѣна съ Германіей заключаются не въ условіяхъ нашего промышленнаго импорта, а въ условіяхъ нашего сельскохозяйсвеннаго экспорта на нѣмецкій рынокъ. Общеизвѣстны утвержденія, что огромныя германскія пошлины на жизненныя припасы, установленныя конвенціей 1904 г., оказываютъ неблагоприятное дѣйствіе на интенсивность нашего вывоза въ Германію и на уровень нашихъ экспортныхъ цѣнъ. Русское сельское хозяйство—точнѣе, классы, занятые въ нашемъ сельскохозяйсвенномъ производствѣ и обмѣнѣ, заинтересованы въ „открытіи“ для нихъ германскаго рынка путемъ уничтоженія или пониженія непомѣрныхъ ставокъ. Кромѣ того, мы знаемъ, что нашъ сельскохозяйсвенный экспортъ оплачиваетъ наши заграничныя долги

№ 18, 1912 г. стр. 7 и въ «Русскомъ Экспортѣ» № 4—5, 1912 г. стр. 151).

Этому вопросу посвящена спеціальная работа Роховича: . . . «Нужда въ приобрѣтеніи необходимыхъ для страны продовольственныхъ и кормовыхъ средствъ настоятельнѣе и неизмѣримо важнѣе нужды въ сбытѣ продовольственныхъ и кормовыхъ излишковъ, для которыхъ можно пріискать другіе рынки или даже другое примѣненіе, и сама культура которыхъ, въ случаѣ надобности, легко можетъ быть сокращена за счетъ развитія болѣе выгодныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Установленіе важнаго факта зависимости Германіи отъ Россіи въ дѣлѣ снабженія своей страны хлѣбными продуктами несомнѣнно должно имѣть важное значеніе при выборѣ той тактики, какой намъ слѣдуетъ держаться при предстоящемъ пересмотрѣ нашего торговаго договора съ Германіей». («Торгово-Промышленный Югъ» № 10, 1912 г. стр. 44).

О томъ же писала «Торгово-Промышленная Газета» («Торг.-Пром. Газета», цит. по «Пром. и Торг.» № 11, 1912 г. стр. 595—596): «зависимость Германіи отъ насъ такъ сильна, что таможенный конфликтъ крайне невыгоденъ для Германіи, ибо онъ лишитъ ее необходимыхъ предметовъ питанія. Роль Россіи въ качествѣ поставщика 72% всего количества главныхъ хлѣбовъ, ввозимыхъ

опредѣляетъ цѣну нашего рубля, рѣзко вліяетъ на обиліе денегъ въ странѣ, на уровень дисконтнаго процента, а слѣдовательно и на положеніе промышленности и т. д. Не даромъ наша экспортная политика всегда регулировалась девизомъ: „не доѣдимъ, но вывеземъ“. И немудрено, что сокрушеніе германскаго аграрнаго протекціонизма сейчасъ выставляется, какъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ войны и побѣды.

Этотъ мотивъ, не въ примѣръ вѣчной пѣснѣ промышленниковъ о запретительномъ тарифѣ, никакъ нельзя въ принципѣ считать недоразумѣніемъ. Онъ имѣетъ подъ собой не мало фактическихъ основаній. И при томъ позиція Россіи, борющейся въ данномъ случаѣ за принципъ свободной торговли, является здѣсь весьма прогрессивной. Этотъ мотивъ слѣдуетъ

въ Германію, настолько велика, что ставитъ Германію въ большую зависимость отъ Россіи».

«Вѣдь, если Германія, говоритъ проф. М. И. Туганъ-Барановскій въ другомъ мѣстѣ, имѣетъ первостепенное значеніе для насъ, какъ рынокъ, то и Германія еще менѣе можетъ обойтись безъ ввоза нашихъ продуктовъ. Вѣдь Россія занимаетъ по цѣлому ряду статей вывоза почти монопольное положеніе на германскомъ рынкѣ. . . . При этомъ характерно, что почти по всѣмъ этимъ статьямъ Германія приходитъ за послѣднее время все въ болѣе зависимое положеніе отъ Россіи». (Проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Аграрный протекціонизмъ и вздорожаніе с.-х. продуктовъ, «Русскій Экспортъ» № 2—3, 1911 г. стр. 71).

«Я совершенно не согласенъ, говорилъ г. Левинъ, на Одесскомъ совѣщаніи южныхъ городовъ, земствъ и промышленниковъ, что Германія сильна экономически и что мы должны этого опасаться. Напротивъ, я совсѣмъ не считаю ее сильной. Вѣдь Германія что экспортируетъ? Фабрикаты. Это неважно. Фабрикаты всякое государство намъ дастъ. Мы же экспортируемъ сырье, хлѣбъ, который необходимъ Германіи для питанія населенія. Для хлѣба мы всегда найдемъ покупателя. И Германія безъ нашего хлѣба не можетъ обойтись. Она въ насъ больше нуждается». (См. сб. статей «Къ вопросу о торговомъ договорѣ съ Германіей». Харьковъ, 1913. Преобладающія цитаты отсюда же).

не игнорировать и не разоблачать (подобно предыдущему), а оспаривать по существу. Оспаривать же его можно и должно. Значеніе, которое для насъ имѣетъ борьба съ германскимъ протекціонизмомъ, не только безмѣрно преувеличивается, но и неправильно освѣщается. Методъ же этой борьбы—и не ведетъ къ цѣли, и не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными интересами нашего народнаго хозяйства. Тѣ, кто въ поискахъ рациональнаго обоснованія, навязываютъ войнѣ, безъ разговора, любя „симпатичныя“ имъ цѣли, прибѣгаютъ къ данному аргументу не съ болѣшимъ основаніемъ, чѣмъ и ко всѣмъ предыдущимъ.

Знаменитымъ „ростовщическимъ“ тарифомъ 1902 г. въ интересахъ германскихъ аграріевъ, были установлены минимальные размѣры ставокъ „для защиты туземнаго сельскаго хозяйства“; эти ставки, по конвенціи 1904 г., приняты для важнѣйшихъ продуктовъ слѣдующій видъ (за 100 килограммовъ):

Рожь	5 марокъ.
Пшеница и полба	5,5 „
Ячмень, кромѣ пивовареннаго	1,3 „
Овесь	5 „
Хмѣль	20 „
Свинья (за 100 кило живого вѣса)	9 „
Мясо	35 „
Птица битая	15 „
Масло коровье	20 „
Яйца	2 „

Съ этими огромными пошлинами русскій экспортъ борется нѣкоторыми косвенными путями, — напр., „экспортными“ желѣзнодорожными тарифами; но, конечно, подобныя мѣры не въ состояніи парализовать вліяніе германскаго аграрнаго протекціонизма на нашъ сельскохозяйственный вывозъ.

Постараемся, однако, уяснить себѣ, каково именно это вліяніе—количественно и качественно.

Прежде всего, Германія, поглощая меньше трети (20%) нашего общаго вывоза, является не только не единственной, но и не главной покупательницей нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вотъ данныя о нашемъ хлѣбномъ экспортѣ за пятилѣтіе 1906—1910 г.г.:

Вывезено изъ Россіи въ среднемъ за одинъ годъ пятилѣтія:

	По всѣмъ границамъ (тыс. пуд.).	Въ Германію (тыс. пуд.).	% германскаго экспорта.
Пшеница	228.106	52.577	23,5
Рожь	42.296	2.439	53,4
Ячмень	181.353	118.845	65,6
Овесъ	56.735	19.768	34,7
Кукуруза	36.064	8.435	23,4
Отруби	36.803	31.444	85,0

Въ общей суммѣ на Германію приходится не болѣе 43% нашего хлѣбнаго экспорта. При этомъ не рѣдко Германія является лишь мѣстомъ транзита въ другія страны. Большая же часть сельскохозяйственныхъ продуктовъ, подлежащихъ экспорту, вывозится нами въ союзныя государства. Рѣшающее значеніе германскія покупки имѣютъ только для ячменя и отрубей; доля этихъ продуктовъ, поглощаемая Германіей, все растетъ. Но какъ разъ пошлина на ячмень очень невысока, а отруби въ Германію ввозятся беспошлинно.—Что же все это означаетъ?

Это означаетъ, во-первыхъ, что конъюнктура германскаго рынка не можетъ опредѣлять размѣровъ нашего вывоза. Нашъ хлѣбный экспортъ въ Германію колеблется по отдѣльнымъ годамъ въ полномъ соотвѣтствіи съ общимъ количествомъ вывезеннаго хлѣба¹⁾. Об-

¹⁾ См. А. К. фонъ Шульцъ «Исслѣд. о производствѣ и торговлѣ Германіи продуктами полеводства за 30 лѣтъ въ связи съ русско-германскимъ торговымъ договоромъ». Изд. Гл. Упр. Зем. и Земл.

щій же экспортъ опредѣляется не чѣмъ инымъ, какъ урожаемъ и минимальными остатками для внутренняго потребленія. Ни о какомъ сокращеніи нашего экспорта подъ вліяніемъ германскихъ пошлинъ не можетъ быть и рѣчи. Мы не доѣдаемъ, но вывозимъ все, что только удастся урвать у своего собственнаго потребителя. Во-вторыхъ, сравнительно скромная роль Германіи, какъ покупательницы нашихъ продуктовъ, означаетъ, что германскій рынокъ не въ состояніи диктовать цѣны нашему экспорту. Цѣны эти опредѣляются міровымъ рынкомъ, конъюнктуру котораго по крайней мѣрѣ для пшеницы, характеризуетъ такъ называемая „англійская средняя“.

До войны наши экономисты отдавали себѣ во всемъ этомъ полный отчетъ. Покойный Рыкачевъ, г.г. Роховичъ, Струве, Туганъ-Барановскій отмѣчали зависимость движенія нашихъ хлѣбныхъ цѣнъ именно отъ мірового, а не отъ германскаго рынка? Туганъ-Барановскій, указывая при этомъ, что міровая конъюнктура, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе благоприятна для вывозящихъ странъ, „такъ какъ мы дѣйствительно вступили въ полосу высокихъ цѣнъ и, повидимому, безповоротно“¹⁾. И только теперь, для нуждъ войны, пришлось придумать всякія грозныя опасности со стороны Германіи. Въ полосу высокихъ цѣнъ, замѣтимъ въ скобкахъ, мы можетъ быть вступили и не безповоротно, но, конечно, не въ Германію и не въ ея пошлинахъ тутъ сила: „засилье“ надъ сельскимъ хозяйствомъ всей Европы идетъ какъ будто съ крайняго запада, черезъ тѣсную воронку Панамакаго канала...

Но интересно, каково же въ концѣ концовъ реальное значеніе германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ для

¹⁾ См. «Рѣчь», № 288 за 1912 г., цит. по сб. «Къ вопр. о торг. договорѣ съ Герм.», Харьковъ, 1913.

русского экспортера? Конечно, на него падает не вся сумма пошлины, а только часть ея. Но какая часть? Ответом может послужить сравнение цѣнъ на хлѣбъ внутри Германіи (съ пошлиной) и внѣ Германіи (безъ пошлины). По даннымъ записки, представленной министромъ финансовъ въ Гос. Совѣтъ въ 1913 г., средняя цѣна пшеницы въ Данцигѣ за 1893—1902 г., при пошлинѣ въ 26,5 копеекъ съ пуда, равнялась безъ пошлины 92 коп., а съ пошлиной, уплаченной продавцомъ, 116 коп.,—т. е. разница составляла 24 коп., а недоборъ пошлины продавцомъ—2,5 коп.; при томъ же размѣрѣ пошлины, цѣна ржи безъ пошлины равнялась 72 коп., съ пошлиной же 94 коп.,—разница 22 коп., а недоборъ экспортера 4,5 коп.? ¹⁾ Цифры, какъ видимъ, довольно скромныя. Что же остается отъ всѣхъ опасностей германскаго протекціонизма, если мы, принявъ во вниманіе все сказанное, будемъ говорить не объ экспортерѣ, а о производителѣ, раскинутомъ по всему лицу русской деревни? Во-первыхъ, этого производителя, т. е. всего „сельскаго хозяйства“ нельзя отождествлять съ земледѣльческими классами, заинтересованными въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ и связанными такъ или иначе съ мировымъ рынкомъ. А во-вторыхъ, очевидно, что германскія сельскохозяйственныя пошлины, при такихъ условіяхъ, должны представлять собой *quantité négligeable*.

Но все это еще не главныя соображенія, заставляющія насъ не придавать сколько-нибудь существеннаго значенія борьбѣ съ германскимъ аграрнымъ протекціонизмомъ. Если бы даже было можно отождествить интересы каждаго русскаго земледѣльца съ интересами экспортера, то все же нельзя отождествлять интересы

¹⁾ См. М. Соболевъ «Экономическое значеніе русско-германскаго договора», цит. сб., стр. 10.

націи въ цѣломъ съ интересами земледѣльческаго класса. Если даже предположить что условія наиболее интенсивнаго и дорогого вывоза составляютъ неотъемлемый и насущный интересъ каждаго производителя хлѣба, все же это не значитъ, что передъ всей націей вопросъ о максимальномъ и наиболее выгодномъ экспортѣ рѣшается въ положительномъ смыслѣ. „Не доѣдимъ, но вывеземъ“—формула, мало убѣдительная и для земледѣльца. Нечего и говорить, что она рѣзко противорѣчитъ интересамъ внѣземледѣльческихъ трудовыхъ массъ.—Все это означаетъ слѣдующее: раньше, чѣмъ расчищать почву для наиболее выгоднаго экспорта, надо доказать, что это форсированіе экспорта безусловно желательно съ точки зрѣнія общенациональныхъ интересовъ. А кромѣ того, надо доказать, что со стороны объективныхъ условій сельскохозяйственному экспорту (желателенъ онъ или нѣтъ) обезпечено большое будущее въ развитіи нашего національнаго хозяйства. Ибо нѣтъ основаній затрачивать много энергіи на такое дѣло, у котораго будущаго нѣтъ. — Какъ же рѣшаются эти вопросы о возможности и желательности примѣнительно къ нашему сельскохозяйственному экспорту?

Россія есть капиталистическая страна, которая повинуется всеобщимъ законамъ хозяйственнаго развитія. Полювка назадъ Германія была также страной, вывозящей хлѣбъ; въ настоящее время она не можетъ обходиться безъ импорта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Соедин. Штаты Сѣв. Амер. на нашихъ глазахъ сокращаютъ хлѣбный экспортъ въ силу развитія собственнаго сельскохозяйственнаго рынка. Панамскій каналъ, правда, дастъ американскому вывозу новый толчекъ, пустивъ подъ обработку новыя огромныя площади. Но это не нарушитъ общей тенденціи, и со временемъ Соед. Штаты должны будутъ пре-

кратить свой сельскохозяйственный экспорт, а может быть обратиться и во ввозящую страну. Россия, конечно, претерпевает аналогичную эволюцию. Ее экономическое развитие и ее индустриализация идут очень быстро. Емкость ее внутреннего сельскохозяйственного рынка резко возрастает. И каковы бы ни были абсолютные размеры нашего земледельческого экспорта, его относительное значение должно быстро падать — как для сельского хозяйства, так и для общей экономики страны. А затѣмъ, съ ростомъ промышленности и внѣземледѣльческихъ классовъ, съ увеличеніемъ ихъ покупательной способности и ихъ „доѣданія“, должны сокращаться и абсолютныя количества экспортируемыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, вплоть до полного поглощенія ихъ на внутреннемъ рынкѣ.

До войны, когда наши экономисты еще не были связаны либеральнымъ пониманіемъ своего „патріотическаго“ долга, когда изслѣдованія ихъ были направлены къ отысканію истины, а не къ отысканію поводовъ для алармистской агитаціи — вопросъ о соотношеніи внутреннего и внѣшняго рынка для нашего земледѣлія нерѣдко освѣщался въ данномъ смыслѣ. Авторъ солиднѣйшаго труда объ образованіи внутреннего сельскохозяйственного рынка, г. П. Лященко, на основаніи статистики желѣзнодорожныхъ перевозокъ, пришелъ къ выводу о болѣе быстромъ ростѣ внутреннего рынка сравнительно съ внѣшнимъ ¹⁾. Г. Гефдингъ, изслѣдовавшій „экономическіе интересы Россіи“ въ связи съ будущимъ русско-германскимъ договоромъ, также полагаетъ, что „уже сейчасъ внутренний городской и вообще промышленный рынокъ

¹⁾ См. П. Лященко, «Очерки аграрной эволюціи Россіи». Т. I. Пб. 1908.

имѣетъ для сельскаго хозяйства гораздо большее абсолютное и относительное значеніе, чѣмъ это обыкновенно предполагается“ ¹⁾. Изслѣдователь же нашего хлѣбнаго экспорта, г. Юровскій, приходитъ къ выводу, что „если русская промышленность будетъ продолжать развиваться... то примѣръ послѣднихъ 15 лѣтъ XIX столѣтія показываетъ что сельское хозяйство не будетъ, по всей вѣроятности, давать никакихъ новыхъ излишковъ зерна для экспорта“ ¹⁾.

Все это значитъ, что вопросъ о германскихъ пошлинахъ, даже въ томъ скромномъ значеніи, какое было охарактеризовано выше, есть вопросъ только сегодняшняго дня. Для будущихъ же временъ его значеніе, повидимому, будетъ совершенно парализовано тенденціями объективнаго экономическаго развитія Россіи. Правда, г. Мануиловъ разсуждаетъ такъ: „индустриализація Россіи есть фактъ, не подлежащій спору; но если даже предположить, что индустриализація Россіи въ такихъ предѣлахъ, при которыхъ создается достаточно емкій рынокъ для предметовъ нашего земледѣлія, стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что вопросы практической политики сегодняшняго дня можно рѣшать, имѣя въ виду тѣ явленія, которыя еще не только еще не наступили, но неизвѣстно, когда наступятъ“. Мы охотно не стали бы противъ этого спорить, если бы г. Мануиловъ и его единомышленники общали намъ не придавать германскому „аграрно-протекціонистскому засилью“ принципиальнаго значенія. Ибо, при всемъ желаніи уничтожить германскія аграрныя пошлины въ интересахъ „сегодняшняго дня“, никакъ нельзя связать неслыханнаго міроваго пожара съ осуществленіемъ микроскопическихъ текущихъ задачъ и самыхъ благихъ по-

¹⁾ Цит. по цитированной ст. Д. Пискунова, I с., стр. 37—38.

желаний в области экономической политики... Но во всяком случае и г. Мануилов не спорит, что определенная тенденция—на лицо, что „открытие“ иностранных сельскохозяйственных рынков иметъ для насъ все меньшее и меньшее значение, и что къ „завтрашнему“ дню вопросъ о германскихъ пошлинахъ для нашего народного хозяйства былъ бы совершенно ликвидированъ самъ собой.

Однако, всего этого мало. Я утверждаю, что вопросъ этотъ теперь, въ сегодняшний день, уже превратился „въ собственную противоположность“. Не въ будущемъ, а уже теперь нашъ внутренний рынокъ приобретаетъ такую емкость, которая уже не требуетъ дальнѣйшаго форсирования экспорта путемъ создания болѣе выгодныхъ для него условий. Не только не требуетъ, но и дѣлаетъ крайне вреднымъ это форсированіе экспорта съ точки зрѣнія современной народно-хозяйственной конъюнктуры и интересовъ народныхъ массъ.

Несмотря на хорошіе урожаи послѣднихъ лѣтъ, цѣны на пищевыя продукты у насъ не падаютъ, а растутъ. Упорядоченіе и организація нашей хлѣбной торговли, огромное развитіе банковскихъ ссудъ подъ хлѣбъ, ростъ кооперативовъ—помогаютъ стихійному росту рынка на почвѣ индустриализаціи и „урбанизаци“ страны. Цѣны не только растутъ; за послѣднія 10 лѣтъ онѣ претерпѣли цѣлую революцію. „Дороговизна жизни“ уже давно миновала стадію обывательской злобы дня и превратилась въ огромную и очередную социальную проблему. Потребитель раззоряется отъ „выгодной“ сельскохозяйственной конъюнктуры. Въ нашей земледѣльской странѣ мы испытываемъ нынѣ, вмѣстѣ со всевозможными промышленными, еще и хлѣбный голодъ. Потребительскимъ „низамъ“ „житницы“ Европы уже давно недоступны—мясо, масло, яйца, молоко.

Цифры о дороговизнѣ приводились въ литературѣ десятки разъ, и вопросъ этотъ уже не нуждается въ фактическихъ иллюстраціяхъ. Отмѣтимъ только, что даже за послѣдній, военный годъ, когда экспортъ былъ невозможенъ, и весь хлѣбъ остался въ странѣ, цѣны на внутреннемъ рынкѣ, даже въ мѣстахъ производства, т. е., безъ всякаго вліянія разстройства транспорта, не только не упали, но сдѣлали рѣзкій скачекъ кверху¹⁾. Не вывозя, мы не дождаемъ, и руководимые передовыми экономистами въ союзѣ съ бульварной прессою, мы съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда черезъ открытые проливы нашъ хлѣбъ хлынетъ за границу; отлично предвкусывая то удовольствіе, какое получаютъ экспортеры, мы ничего не слышимъ отъ нашихъ „патріотическихкихъ“ агитаторовъ о нашей собственной судьбѣ послѣ открытія сельскохозяйственного экспорта. Между тѣмъ, судьба эта, на почвѣ дороговизны насущныхъ предметовъ, будетъ еще гораздо болѣе плачевна, чѣмъ теперь...

Но вѣдь „выгодная“ сельскохозяйственная конъюнктура вѣдь создана не войной. Повторяю, несмотря на хорошіе урожаи, она давала себя знать,—чѣмъ дальшетѣмъ больше—въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія. Слѣдовательно, земледѣльческой экспортъ вообще начинаетъ играть въ нашей народно-хозяйственной жизни не только весьма двусмысленную, но и довольно опасную роль. Форсированіе экспорта, бывшее традиціонной политикой нашихъ министровъ финансовъ въ ущербъ „доѣданію“, безусловно перестало быть задачей нашей экономической политики. И борьба за облегче-

¹⁾ Въ Кіевѣ, въ іюнѣ 1914 г., цѣна пшеницы стояла на уровнѣ 109—110 коп., въ іюнѣ (20-го) 1915 г.—150—155 коп.; въ Ельцѣ въ іюнѣ 1914 г.—114 коп., черезъ годъ 135 к.; въ Одессѣ 103 к. и 128—139 коп.; въ Саратовѣ рожь—въ 1914 г. 65—75, въ 1915 г.—915—107 к. (См. «Торг.-Промышл. Газету» отъ 23-го іюня 1915 г.).

ніе экспорта, за созданіе для него болѣе выгодныхъ условий не только не нужна и бесполезна, но и вредна съ точки зрѣнія интересовъ нашей внѣземледѣльческой демократіи.

„Задачей будущаго торговаго договора,—пишетъ г. Туганъ-Барановскій, будетъ открыть для русскаго сельскаго хозяйства германскій рынокъ. Одного пониженія пошлинъ на русскіе хлѣба будетъ для этого недостаточно... Естественнымъ рынкомъ для русскаго мяса является Германія. Однако, Германія, въ угоду своимъ аграрнымъ классамъ, всячески тормозитъ ввозъ въ ея предѣлы русскаго мяса... Такъ, подъ предлогомъ опасности зараженія, эпизоотій, Германія ограничиваетъ ввозъ въ ея предѣлы русскихъ свиней и другого скота. Въ результатъ русское крестьянское хозяйство не получаетъ своего естественнаго развитія“¹⁾.—Не можетъ быть никакихъ споровъ о томъ, что германская таможенная система есть одинъ изъ самыхъ возмутительныхъ продуктовъ узко-классовой политики государства. Но жертвами ея являются совсѣмъ не тѣ элементы, на которые указываетъ Туганъ-Барановскій. Умалчивая объ ея дѣйствительныхъ жертвахъ, почтенный экономистъ не стѣсняется прибѣгать къ грубой демагогіи и утверждать, что въ дефектахъ нашего крестьянскаго хозяйства—„нѣмецъ“ виноватъ. На дѣлѣ, какъ мы знаемъ, адѣсь не при чемъ ни нѣмецъ, ни вообще конъюнктура рынка, которая болѣе, чѣмъ благоприятна для земледѣльческихъ классовъ. Крестьянинъ нашъ не имѣетъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ ресурсовъ, (ни земли, ни капитала, ни знаній) для рациональнаго производства; онъ не самостоятеленъ, опутанъ сѣтями посредниковъ, онъ не въ состояніи использовать существующій уровень цѣнъ и приспособить хозяйство къ потребностямъ рынка. Но сами по себѣ цѣны болѣе,

¹⁾ См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», I. с., стр. 21.

чѣмъ достаточны; онѣ уже давно давятъ тяжелымъ бременемъ на потребительскія массы, и подъемъ ихъ посредствомъ форсированнаго экспорта не имѣетъ значенія для крестьянства.

Для потребляющихъ же классовъ пониженіе сельскохозяйственныхъ цѣнъ имѣетъ колоссальное значеніе. И не въ своихъ интересахъ эти классы могутъ осуществлять тѣ „задачи торговаго договора“, какія навязываетъ имъ г. Туганъ-Барановскій. Напротивъ, для нихъ будетъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ болѣе закрытъ будетъ иностранный и, въ частности, германскій рынокъ для нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Чѣмъ больше этихъ продуктовъ, благодаря этому, остается въ Россіи, тѣмъ болѣе рѣзкое понижающее давленіе окажутъ они на уровень цѣнъ. И вотъ когда русскому потребителю будетъ доступенъ въ достаточномъ количествѣ отечественный хлѣбъ, мясо, молоко, яйца, масло и т. д.,—тогда у насъ будетъ особый разговоръ о сельскохозяйственной конъюнктурѣ, объ экспортѣ, объ открытіи чужеземныхъ рынковъ и объ аграрныхъ пошлинахъ европейскихъ странъ. Сейчасъ же все это не только не можетъ служить задачей экстраординарной тяжелой борьбы, но и вообще задачей нашей экономической политики. Слѣдовательно, и этотъ аргументъ либеральной „военной“ системы, подобно предыдущимъ, рѣшительно никуда не годится.

Имѣется въ дѣлѣ и еще одна сторона. Жертвой германскаго аграрнаго протекціонизма является не наше сельское хозяйство, а самъ германскій народъ за вычетомъ ничтожной группы юнкеровъ и гресбаузуровъ. Германскія пошлины установлены въ интересахъ „152“ аграріевъ, въ карманы которыхъ „ростовщическій“ тарифъ Бюлова, согласно вычисленіямъ Зингера, кладетъ 7 милл. марокъ ежегоднаго лишняго дохода. Германской демократіи аграрныя пошлины обходятся еще

несравненно дороже, чѣмъ намъ обходится нашъ промышленный протекціонизмъ. И вся Германія давно ведетъ упорную борьбу съ пошлинами на предметы продовольствія, порождающими еще большую дороговизну жизни, чѣмъ наша. Борьба эта въ ближайшіе же годы должна кончиться побѣдой потребителя, т. е. отмѣной или рѣзкимъ пониженіемъ пошлинъ. Поручкой въ томъ ростъ организованной демократіи и, въ частности, интенсивное движеніе послѣднихъ лѣтъ противъ дороговизны. Это движеніе и нынѣ является главной гарантіей, что вопросъ съ германскимъ протекціонизмомъ будетъ урегулированъ въ ближайшемъ будущемъ.

Теоретически—имѣется и еще одно средство борьбы съ германскими аграрными пошлинами: соответствующее пониженіе нашего ввозного тарифа при будущемъ договорѣ. Средство это не только единственно рациональное съ точки зрѣнія національнаго хозяйства, но и чрезвычайно простое и легкое, обеспечивающее успѣхъ навѣрняка. Но, конечно, нынѣ объ этомъ средствѣ не говорятъ ни г. Туганъ-Барановскій, ни г. Соболевъ, ни другіе экономисты, всегда раньше боровшіеся съ эксцессами отечественнаго протекціонизма.

Итакъ, резюмируемъ наши выводы о значеніи торговаго договора — въ той его части, которая касается условій нашего экспорта. Какъ мы видѣли, германскія сельскохозяйственныя пошлины, съ одной стороны, не имѣютъ сколько-нибудь существеннаго значенія для нашего вывоза — ни въ смыслѣ его размѣровъ, ни въ смыслѣ давленія на уровень цѣнъ. Съ другой стороны, поскольку пошлины играютъ роль — эта роль недоолговременна; въ предѣлахъ же „сегодняшняго дня“ — эта роль положительная, а не отрицательная. Такіе выводы исключаютъ всякую возможность примѣшивать вопросъ о торговомъ договорѣ къ обоснованію задачъ войны.

* * *

Торговый договоръ — не единственное орудіе торговой политики, которое порождаетъ „засилье“ и „порабощеніе“. За послѣднее время, особенно въ эпоху войны, у насъ приобрѣли большую популярность также германскія вывозныя преміи, отъ которыхъ нѣтъ жиптя ни русской промышленности, ни русскому сельскому хозяйству. Необходимо остановиться въ двухъ словахъ на этомъ факторѣ нашего „подчиненія Германіи“.

Начнемъ съ сельскаго хозяйства — съ форсированія хлѣбнаго экспорта германскими юнкерами. Къ великому вреду для нѣмецкой демократіи, аграрія, несмотря на огромный внутренній рынокъ, не довольствуются огромными ввозными пошлинами. Они стремятся расширить рынокъ за счетъ вывоза, который „поощряютъ“ искусственными мѣрами въ видѣ „вывозныхъ свидѣтельствъ“. Развивая свой хлѣбный экспортъ, Германія за послѣдніе годы успѣшно конкурируетъ съ русскимъ земледѣлемъ.

Обратимся къ нѣсколькимъ цифрамъ:

	В ы в о з ь	
	Изъ Россіи.	Изъ Германіи.
	Пшеницы (милл. пуд.).	
1903 г.	255,0	11,0
1912 г.	161,0	19,7
	Ржи (милл. пуд.).	
1903 г.	82,2	12,8
1912 г.	30,6	48,6

	В в о з ъ ¹⁾ :					
	Въ Бельгію.		Въ Голландію.		Во Францію.	
	Изъ Россіи.	Изъ Германіи.	Изъ Россіи.	Изъ Германіи.	Изъ Россіи.	Изъ Германіи.
	П ш е н и ц ы (м и л л. п у д о в ъ).					
1903 г.	8,9	0,1	43,7	0,5	11,0	0,2
1912 г.	3,6	1,1	37,4	7,2	6,6	4,1
	Р ж и (м и л л. п у д о в ъ).					
1903 г.	1,2	0,1	28,3	3,0	0,9	0,0
1912 г.	0,6	4,0	13,9	12,3	0,6	2,0

Наряду съ уменьшеніемъ экспорта изъ Россіи, мы видимъ вытѣсненіе русскаго хлѣба германскимъ съ цѣлаго ряда европейскихъ рынковъ. Къ этимъ рынкамъ, кромѣ названныхъ, относятся еще Швейцарія, Данія, Норвегія,—повсюду Германія увеличиваетъ свой хлѣбный экспортъ за счетъ Россіи. Но этого мало: Германія поставляетъ все больше и больше хлѣба и на внутренній русскій рынокъ:

	Зерновыхъ хлѣбовъ (въ тыс. пудовъ).		
	Привезено въ Россію.	Вывезено изъ Россіи.	% импорта къ экспорту.
Въ среднемъ за 1899—1903 г.г. . .	2.437	437.624	0,55
„ 1904—1908 „	11.428	497.283	2,8
„ 1909—1912 „	15.240	664.698	2,3

Какъ же мы должны истолковать и оцѣнить это „засилье“ и какъ на него реагировать? Не подлежитъ сомнѣнію, что такое развитіе хлѣбнаго экспорта изъ высоко индустриализированной страны, въ значительной степени обусловливается системой вывозныхъ премій. Въ Германіи всякій экспортеръ хлѣба, согласно

¹⁾ Цифры взяты изъ брош. А. Рыбникова «Торговая политика Германіи и война», М. 1915.

правиламъ 1894 г., получаетъ „вывозное свидѣтельство“ на всю сумму пошлинъ, которую, по германскому тарифу, пришлось бы уплатить въ случаѣ импорта этихъ товаровъ въ Германію. Свидѣтельства эти выдаются на предъявителя и пользуются полной свободой обращенія. Экспортеръ можетъ немедленно реализовать свое свидѣтельство и получить, кромѣ продажной цѣны, еще нѣкоторую добавочную сумму, побуждающую его продавать товаръ за границу и позволяющую при этомъ выдерживать конкуренцію мѣстныхъ хозяевъ или другихъ вывозящихъ странъ. Само собой разумѣется, что для нашихъ хлѣботорговцевъ эти вывозныя премія представляютъ совершенно „нежелательное явленіе“. Но дѣйствительно ли онѣ играютъ большую или рѣшающую роль въ германскомъ вывозѣ и въ германской успѣшной конкуренціи?

Прежде всего — русскій хлѣбъ вытѣсняется и на тѣхъ рынкахъ, гдѣ германской конкуренціи нѣтъ или она совершенно ничтожна, какъ напр., въ Англіи. Объясняется это цѣлымъ рядомъ причинъ, изъ которыхъ главная заключается въ той эволюціи цѣнъ на русскій хлѣбъ, о которой мы уже говорили. Главное достоинство русскаго хлѣба—это его дешевизна. Именно благодаря ей нашъ хлѣбъ дѣлалъ свои завоеванія на мировомъ рынкѣ. Теперь онъ эту свою силу утрачиваетъ съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ роста нашего внутренняго рынка. Ни ростъ урожаевъ, ни расширеніе запасекъ не поспѣваютъ за ростомъ потребностей; цѣны растутъ сильнѣе урожаевъ и парализуютъ способность нашего хлѣба къ конкуренціи на иностранныхъ рынкахъ ¹⁾.

Конечно, въ вытѣсненіи русскаго зерна Германіи

¹⁾ Если мы цѣны и урожаи четырехъ главныхъ хлѣбовъ за 1891—1895 г.г. примемъ за 100, то въ слѣд. періоды ростъ ихъ будетъ выражаться такъ:

принадлежит очень незначительная роль: мы видели, что за 1903—1912 г.г. вывоз русской пшеницы сократился на 94 милл. пудовъ, тогда какъ вывозъ германской увеличился всего на 8,7 милл. Въ качествѣ индустриальной и интенсивной страны, Германія, конечно, не можетъ значительно развить свой хлѣбный экспортъ; роль же ея на мировомъ хлѣбномъ рынкѣ ограничивается тѣмъ, что Германія захватываетъ своей хлѣбной торговлей пограничныя мѣстности сосѣднихъ странъ. Именно такой характеръ имѣетъ и германскій хлѣбный экспортъ къ намъ, въ Россію.

Россія вывозитъ въ Германію разныхъ хлѣбовъ больше, чѣмъ ввозитъ изъ нея, приблизительно въ 20 разъ. Понятно, что въ нѣмецкомъ хлѣбѣ мы, вообще говоря, совершенно не нуждаемся, и германскій экспортъ къ намъ предполагаетъ какія то особыя условія. Условія эти и состоятъ въ томъ, что Царство Польское, прибалтійскій край и Финляндія, не имѣя въ достаточномъ количествѣ собственнаго хлѣба, покупаютъ его, вмѣсто Рыбинска и Ельца, въ земледѣльческихъ областяхъ восточной Пруссіи, которая расположена къ нимъ въ нѣсколько разъ ближе и можетъ поставить имъ хлѣбъ съ большей для нихъ выгодой. Для самой же восточной Пруссіи также выгодно не везти хлѣбъ на саксонскій рынокъ, а сбывать его по сосѣдству—въ Польшу, или, пользуясь дешевымъ морскимъ фрахтомъ—въ Финляндію... Вотъ что такое нѣмецкое засилье на почвѣ вывозныхъ сельскохозяйственныхъ премій.

	Цѣны за пудъ.	Урожай.
1891—1895 г.	100	100
1896—1900 г.	98	109
1901—1905 г.	105	129
1906—1010 г.	133	129

См. Г. Наумовъ «Хлѣбныя пошлины», «Н. Заря», 1914, № 5.

Общее значеніе этого института для нашей хлѣбной торговли совершенно ничтожно. Но поскольку оно существуетъ, можно ли считать его для насъ безусловно невыгоднымъ? Для германской націи въ цѣломъ эти вывозныя преміи, конечно, вредны—такъ же, какъ вредно для насъ форсированіе хлѣбнаго экспорта при нашей дороговизнѣ. Но для населенія нашихъ областей, ввозящихъ германскій хлѣбъ, институтъ „вывозныхъ свидѣтельствъ“ приноситъ существенную пользу, понижая хлѣбныя цѣны къ выгодѣ потребителей.

Это положительное значеніе германскихъ премій незадолго до войны было совершенно парализовано введеніемъ у насъ хлѣбныхъ пошлинъ, въ размѣрѣ 30 к. съ пуда... Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный московскій промышленникъ, г. Крестовниковъ, желая сдѣлать благожелательный кивокъ нашему „сельскому хозяйству“ (do ut des), выступилъ съ проектомъ введенія хлѣбныхъ пошлинъ для Россіи,—то этотъ курьезъ вызвалъ не мало веселья въ средѣ здравомыслящихъ людей. Житница Европы, экстенсивная земледѣльская страна, съ огромнымъ зерновымъ экспортомъ, въ эпоху высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ—отгораживается отъ собственныхъ покупателей запретительной таможенной ставкой! Этого еще не знала экономическая исторія. Однако, курьезъ сталъ фактомъ. И населеніе нашихъ западныхъ окраинъ обложено дополнительной данью въ пользу остзейскихъ бароновъ, польскихъ магнатовъ и отечественныхъ прасоловъ... Ужъ, кажется, нечего больше желать: никакія „вывозныя свидѣтельства“ ужъ не избавятъ Польшу и прибалтику отъ этой дани. Но каждый аргументъ вынче дорогъ: ни у одного экономиста вынче не хватитъ духа отказаться отъ жупела экспортныхъ премій. И обыватель твердитъ о нихъ—все съ тѣмъ же пониманіемъ дѣла и все съ тѣми же боевыми результатами.

Почти то же слѣдуетъ сказать и о вывозныхъ преміяхъ—прямыхъ и косвенныхъ, явныхъ и тайныхъ—выдаваемыхъ германскими синдикатами при экспортѣ продуктовъ германской обрабатывающей (и добывающей) промышленности. Преміи эти, несомнѣнно, получили огромное развитіе. Такъ же несомнѣнно, что онѣ являются могучимъ средствомъ искусственнаго форсирования экспорта и конкуренціи на иностранныхъ рынкахъ (въ томъ числѣ на русскомъ).

Какъ же проявляются результаты этой системы, и кому приносить она добро и зло?—Преміи, выдаваемые синдикатами, даютъ возможность продавать продукты германскаго производства по чрезвычайно низкой цѣнѣ: этимъ и открываются иностранные рынки, увеличивая германскій экспортъ въ огромной степени. На заграничные рынки синдикаты, напр., выбрасывали рельсы на 40% дешевле, чѣмъ продавали внутри Германіи; уголь и коксъ иногда продаются за границей вдвое дешевле, чѣмъ внутреннему потребителю; цѣны на чугунъ и желѣзо понижались для внѣшнихъ рынковъ на 35—40% сравнительно съ внутренними цѣнами и т. д. За первые 5 мѣс. своей дѣятельности рейнско-вестфальскій синдикатъ выплатилъ 644 тыс. марокъ вывозныхъ премій; въ 1897 эта сумма достигла 17 милл. марокъ ¹⁾.—Откуда берутся суммы для такого рода уплаты?

Суммы эти собираются при помощи процентнаго обложенія стоимости сбыта синдиката или путемъ самообложенія по инымъ принципамъ. Понятно, что суммы эти входятъ въ цѣну производства и собираются съ внутреннего потребителя. Цѣны на внѣшнихъ рынкахъ понижаются за счетъ повышенія ихъ

¹⁾ См. I. М. Гольдштейнъ, «Война, синдикаты, русскій экспортъ и наши торговые договоры». М. 1915.

сверхъ „цѣны производства“ на внутреннихъ рынкахъ ¹⁾. Отсюда совершенно ясно, для кого вредны и кому полезны синдикатскія вывозныя преміи.

Онѣ выгодны германскимъ синдикатчикамъ и страшны ихъ иноземнымъ конкурентамъ — промышленникамъ, производящимъ „премированные“ продукты внѣ Германіи. Онѣ вредны германскому потребителю и полезны потребителю ввозящихъ странъ. Если ввозящая страна ведетъ протекціонистскую политику, то синдикатскія преміи имѣютъ значеніе средства, парализующаго этотъ протекціонизмъ. Если страна страдаетъ отъ неумѣреннаго „покровительства“, то такія средства для нея полезны. Въ данномъ случаѣ синдикатскія преміи нерѣдко практикуются именно для обхода нашихъ таможенныхъ загражденій, для оплаты нашихъ пошлинъ. Но, къ сожалѣнію, наши ставки настолько велики, что за счетъ премій можно оплатить только ихъ небольшую часть; и дань германскаго потребителя все же не позволяетъ довести пониженіе цѣнъ на русскомъ внутреннемъ рынкѣ до такого уровня, какой былъ бы желателенъ съ точки зрѣнія общенациональныхъ интересовъ. Вотъ что такое нѣмецкое засилье на почвѣ синдикатскихъ вывозныхъ премій.

„Нѣмцы, — пишетъ г. Гольдштейнъ, — въ состояніи продавать свои желѣзные издѣлія на иностранныхъ и въ томъ числѣ на русскихъ рынкахъ, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ на 20—25 коп. съ пуда дешевле, чѣмъ они могли бы это дѣлать безъ синдикатскихъ организацій и выплачиваемыхъ послѣдними вывозныхъ премій“. Слѣдовательно, „естественная“ цѣна этихъ желѣзныхъ издѣлій—на 20—25 коп. выше синдикатской. По этой „естественной“ цѣнѣ, если угодно, съ надбавкой

¹⁾ Цѣна производства, согласно терминологіи Маркса, какъ извѣстно есть издержки производства плюсъ средняя прибыль.

въ 5—10 коп. на нашу отсталость, и было бы желательно предоставить продуктъ русскому потребителю. Пошлина же наша на желѣзные издѣлія, за вычетомъ конвенціонныхъ скидокъ по договору 1904 г., равняется 2 руб. 10 коп.—4 руб. 20 коп. съ пуда. Ну, какъ же, послѣ этого, не засилье! Какъ же было не послѣпить г-ну Гольдштейну съ проектомъ дополнительныхъ пошлинъ—для борьбы съ преміями...

Повидимому, сказаннаго достаточно. Все ясно. Наше „порабощеніе“ посредствомъ синдикатскихъ премій ничѣмъ не отличается отъ „засилья“ на почвѣ конвенціонныхъ скидокъ съ общаго ввознаго тарифа. И дальнѣйшіе комментаріи совершенно излишни. Мы хорошо знаемъ теперь, что скрываютъ за собой „оборонительные“ и „освободительные“ лозунги въ области экономики. И мы знаемъ, чьи интересы беретъ подъ свою защиту обыватель, повторяя за либеральными экономистами эти лозунги, воспринимая это готтентотское пониманіе задачъ великой войны.

* * *

Мы обратимся теперь къ „матеріальному смыслу“ войны въ области „міровыхъ“ экономическихъ задачъ. Наша наличная „лѣвая“ пресса обсуждаетъ эти задачи съ горадо большимъ рвеніемъ, чѣмъ правая печать, которая держится и болѣе спокойно, и болѣе нейтрально, и, пожалуй, болѣе трезво.

Либеральный имперіализмъ, прикрытый по традиціи толстымъ слоемъ фиговыхъ листьевъ, вдругъ, черезъ военный кратеръ, бурно вырвался наружу. И вдругъ пошелъ играть *va banque*. Какъ изъ подъ земли явились такія „національныя задачи“, какія было не подѣ силу „разработать“ нашимъ право-буржуазнымъ группамъ, менѣе искушеннымъ въ тонкостяхъ міровой политики и болѣе тяжелымъ на подъемъ. Теперь увле-

чены лѣвыми друзьями и эти группы,—соблазненъ обыватель. Приходится очень пожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ возможности остановиться сколько-нибудь обстоятельно на этой категоріи нашихъ „національныхъ“ задачъ,—показать, къ чему бы пришли мы, если бы въ настоящей войнѣ дѣйствительно поставили себѣ тѣ цѣли, которыя стремятся осуществить либеральныя группы за счетъ народа.

Уже было выше указано, что нашъ дѣйственный либерализмъ относится не безъ опаски къ духовно византийско-метафизическому обоснованію російскаго имперіализма. Эпигоны нашего панславизма, исходящіе въ своихъ разсужденіяхъ изъ мессіанскихъ свойствъ „души Россіи“,—люди очень ненадежные въ политикѣ. Иногда они помогутъ по части сокрытія мыслей; но нерѣдко только напортятъ и дискредитируютъ хитро разработанные планы „реальнаго“ имперіализма. Поэтому, не надо удивляться, что рыцарскій тонъ по временамъ измѣняетъ либеральнымъ политикамъ, и мы слышимъ довольно недвусмысленные окрики по адресу „Репетиловыхъ славянофильства“ и „барабанщиковъ-трубачей разныхъ славянскихъ трапезъ и собесѣдованій“. Во всякомъ случаѣ г. Милюковъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ лекцій прямо рекомендовалъ слушателямъ не увлекаться славянско-византийскими мотивами, а разсматривать наши задачи исключительно въ свѣтѣ трезво понятыхъ реальныхъ интересовъ отечественной политики, промышленности и торговли. За словами о Святой Руси у г. Милюкова стоятъ дѣло Великой Россіи; вмѣсто Св. Софіи и Царьграда онъ говоритъ о проливахъ и Константинополѣ съ *Hinterland*’омъ; махнувъ рукой на „русскій народный процессъ“ и миссію славянства, онъ разрабатываетъ вопросъ о „сферахъ вліянія“.

Спорить съ г. Милюковымъ и его друзьями мы здѣсь

опять таки не собираемся. Имперіализмъ есть имперіализмъ и говорить самъ за себя. Моги́й вмѣстити, да вмѣстити́тъ,—не моги́й... тѣмъ лучше. Не станемъ мы и оспаривать самой необходимости осуществленія данныхъ національныхъ задачъ. Мы только хотимъ посмотрѣть, какъ обосновываютъ эту необходимость наши либералы. Съ какимъ багажемъ берутъ они на себя великую отвѣтственность?

„Присоединеніе къ Россіи германскихъ и австрійскихъ территорій не можетъ обѣщать намъ особенно значительныхъ экономическихъ выгодъ“, — признаетъ г. Туганъ-Барановскій ¹⁾. Территориальныя приобрѣтенія со стороны Закавказья или въ Галиции, о которыхъ пишетъ г. Милоковъ ²⁾, связаны съ „освобожденіемъ малыхъ народовъ“ и имѣютъ чисто политическое значеніе. Этотъ политическій имперіализмъ имѣетъ, какъ говорятъ намъ, „духовный смыслъ“, и сейчасъ онъ насъ не интересуетъ.

Мы хотимъ сейчасъ вникнуть въ существо либеральнаго экономическаго имперіализма, который, повидимому, долженъ предполагать приобрѣтеніе политическими средствами (въ данномъ случаѣ военной силой) экономическаго „вліянія“ въ чужихъ странахъ, то есть внѣшнихъ рынковъ для капиталовъ и товаровъ... Вообще говоря, позиція нашихъ либераловъ въ этомъ отношеніи должна а priori считаться крайне шаткой. Не легкое дѣло — доказать наше равноправіе со старыми капиталистическими странами въ соперничествѣ на внѣшнихъ рынкахъ. Съ одной стороны, наша молодая экономика не сможетъ оправдать политическихъ приобрѣтеній; съ другой — и при развитомъ капитализмѣ

¹⁾ См. тотъ же сборникъ, стр. 23. Ср. цитированныя выше слова Евг. Трубецкого о вредѣ для насъ территориальныхъ завоеваній.

²⁾ См. сб. „Чего ждетъ Россія отъ войны“ — „Территориальныя приобрѣтенія Россіи“.

наше положеніе было бы исключительно благопріятно безъ всякихъ внѣшнихъ „сферъ вліянія“: у насъ внутри страны имѣются и необъятныя колоніи и неисчислимыя богатства, вполне достаточныя для того, чтобы сдѣлать изъ Россіи со временемъ „автономную“ экономическую единицу. Для насъ экономической имперіализмъ никогда не сможетъ имѣть того „оправданія“, какое онъ имѣетъ въ старыхъ странахъ Европы.

И все же, мало сочувствуя, мы хорошо понимаемъ, что хочетъ сказать намъ „марксистъ“ — демократъ Финь - Енотаевскій, когда онъ обосновываетъ „военную“ позицію между прочимъ борьбой за персидскій рынокъ ¹⁾. Мы понимаемъ также, когда намъ говорятъ о „нашихъ жизненныхъ интересахъ на дальнемъ востокѣ“. Правда, аргументы и выводы слабы съ общенациональной точки зрѣнія, но они могутъ имѣть подобіе убѣдительности съ точки зрѣнія узкогрупповой. — Въ данномъ случаѣ, однако, рѣчь идетъ не о Персіи, гдѣ мы должны выработать *modus vivendi* съ союзной Англіей; и не о дальнемъ востокѣ, гдѣ русскій имперіализмъ, напротивъ, очистилъ поле сраженія именно въ силу „задачъ“ настоящей войны. Въ данномъ случаѣ все вниманіе нашихъ либеральныхъ имперіалистовъ устремлено на ближній востокъ — въ ущербъ всѣмъ другимъ имперіалистскимъ же задачамъ. И посмотрите, при всей неистовости воплей, какъ беспомощенъ, малограмотенъ, противорѣчивъ нашъ либерализмъ въ сферѣ фактическаго и логическаго обоснованія. Посмотрите, какъ жалокъ его багажъ, какъ бросается онъ въ изъ стороны въ сторону, стараясь тутъ же на публикѣ отыскать самого себя и понять, чего онъ собственно хочетъ. Бремя отвѣтственности

¹⁾ См. «Современный Миръ». № 10 за 1914 г. «Экономическія причины войны».

онъ на себя взялъ, но бремя членораздѣльнаго доказательства оказалось не по его плечамъ.

„Вступленіе Турціи въ число нашихъ враговъ,—писать лидеръ нашего практическаго либерализма, слова котораго надлежитъ разсматривать, какъ своего рода документы,—дало возможность поставить на очередь окончательное разрѣшеніе вѣковыхъ задачъ нашей ближневосточной политики. Цѣлью ея въ настоящее время должно быть сдѣлано приобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи вмѣстѣ съ Константинополемъ и достаточной частью прилегающихъ береговъ, чтобы обезпечить защиту проливовъ¹⁾“. Почтенный профессоръ и будущій премьеръ, повидимому, выражается не совсѣмъ точно: завоеванія, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь, повидимому, суть все таки не „цѣль“, а средство; иначе это уже выходило бы слишкомъ „здорово живешь“—и безъ духовнаго, и безъ матеріальнаго смысла. Вѣдь не мѣшало бы все таки вспомнить, что въ Константинополѣ какъ-ни-какъ имѣется населеніе и при томъ составляющее господствующую національность; если г. Милюковъ, принеся неслыханныя жертвы, претерпѣвъ ущербъ даже въ своихъ собственныхъ империалистскихъ интересахъ, желаетъ это населеніе освободить (конечно въ соотвѣтствіи съ идеалистическими цѣлями войны), то все это, надо думать, предпринимается не „здорово живешь“, а для достиженія нѣкоторыхъ особыхъ національно-государственныхъ благъ. Хоть для простаго приличія либераламъ не слѣдовало бы выставлять овладѣніе Константинополемъ „цѣлью“ и надлежало бы приложить всѣ усилія къ самой всесторонней мотивировки, къ самому тщательному изысканію смысла своего лозунга. Но, можетъ быть, мы придираемся къ словамъ.

¹⁾ См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 57.

Вѣдь пишутъ же что-нибудь въ свое „оправданіе“ отвѣтственные кадетскіе публицисты. Да,—вотъ, напр., что пишетъ тотъ же г. Милюковъ о смыслѣ предлагаемой аннексіи:

„Слѣдовало бы освободить наши законныя національныя желанія, вызываемыя объективной необходимостью, отъ всѣхъ многолѣтнихъ наслоеній націоналистической идеологій. Желанія эти такъ прочно соединились съ идеей и именемъ „Царьграда“, что многимъ, какъ друзьямъ, такъ и противникамъ этой идеологій, кажутся нераздѣльной частью идеи, неразрывно и органически съ нею связанной... Надо, чтобы наши союзники поняли, что нашъ жизненный интересъ и насущная потребность въ обладаніи проливами ничего не имѣютъ общаго ни съ пугаломъ „панславизма“, которымъ націоналисты „пангерманства“ запугивали Европу, ни съ завоевательными тенденціями, которымъ съ полнымъ основаніемъ хотятъ положить предѣлъ сторонники будущаго организованнаго мира Европы. Владѣніе Константинополемъ и проливами есть конецъ, а не начало. И вмѣстѣ съ другими окончательными ликвидаціями старыхъ запутанныхъ проблемъ, связанныхъ съ гордіевымъ узломъ турецкаго наслѣдства, ликвидація вопроса о проливахъ дастъ возможность торжественно отнести въ святилище исторіи такъ долго мучившій Европу «Восточный вопросъ»¹⁾.

Г. Милюковъ отрещивается отъ націоналистическаго панславизма. Это мы знаемъ. Можетъ быть, этому повѣрятъ и наши союзники. Но никогда они не повѣрятъ, что наше „владѣніе Константинополемъ есть конецъ, а не начало“. Какъ бы „торжественно“ ни говорилъ г. Милюковъ, этому они никогда не повѣрятъ. И

¹⁾ См. другой сборникъ «Вопросы міровой войны». ст. «Нейтрализация Дарданеллъ и Босфора», стр. 548, ПГ. 1915.

уже дѣлали недвусмысленныя указанія на то, какъ они относятся къ кадетскому способу отнесенія восточнаго вопроса въ святилище исторіи. Указанія были настолько недвусмысленны, что въ цитированной статьѣ г. Милюковъ трубить отбой, подставляя вмѣсто „полнаго обладанія“ заковыченную „нейтрализацію“ — „узкаго типа“. Тутъ то собственно и заключается та пропасть, въ какую желаютъ ввергнуть насъ друзья г. Милюкова — крича въ то же время о „войнѣ за миръ“. „Законныя національныя желанія“, въ толкованіи кадетскихъ политиковъ, — не только могутъ осуществиться невѣроятно тяжелыми средствами, но и будутъ имѣть такіе результаты, которые и не снились легковѣрному обывателю. Останавливаться на этомъ мы не можемъ.

Но объяснилъ ли намъ г. Милюковъ смыслъ своихъ империалистскихъ лозунговъ? На вопросъ, въ чемъ дѣло, почему и зачѣмъ, онъ отвѣтилъ: въ этомъ „наши законныя національныя желанія, вызванныя объективной необходимостью“; въ этомъ „нашъ жизненный интересъ и насущная потребность“. Но какая же объективная необходимость? Почему — жизненный интересъ, о коемъ обывателю ничего не было неизвѣстно? Можетъ быть, все это и такъ, но разясните, въ чемъ заключается наша насущная потребность? Существуютъ вообще объясненія или нѣтъ, но, повидимому, не для многихъ они убѣдительны. А потому — лучше не идти съ обывателемъ дальше хорошихъ словъ. Правда, у г. Милюкова есть и конкретное объясненіе, къ которому мы обратимся ниже. Но типичной мотивировкой военной либеральной программы являются именно голыя общія мѣста.

Тождественное „обоснованіе“ ближне-восточныхъ лозунговъ мы встрѣтимъ и у другихъ столповъ нашего либерализма. Вотъ, напр., аналогичная „словес-

ность“ второго кадетскаго авторитета по части внѣшней политики, профессора С. А. Котляревскаго; она немного пропитана мистико-славянофильскимъ элеемъ, но „существо“ ея то же, что и у лидера дѣйствующей кадетской арміи. Намъ жаль мѣста для воспроизведенія образцовъ этой литературы; но обратитесь къ статьѣ г. Котляревскаго „Россія и Константинополь“ („Рус. Мысль“, апрѣль, 1915). — вы увидите крокодила, проливающего слезы умиленія, но вы не услышите ни одного „реального“ довода, ни одного конкретнаго указанія, въ чемъ именно „жизненный интересъ“, зачѣмъ именно нужны эти „искупительныя“ жертвы.

Быть можетъ, эти „насущныя потребности“ намъ разяснятъ либеральные экономисты. Имъ вѣдь и книги въ руки при выясненіи реальныхъ нуждъ народа и государства. И, конечно, г. Туганъ-Барановскій не оставилъ обывателя безъ разясненій, для чего надо рѣшить въ кадетскомъ духѣ проблему ближне-восточной политики. Присоединеніе германскихъ территорій, онъ, какъ мы знаемъ, не считаетъ важнымъ. „Гораздо важнѣе въ экономическомъ отношеніи разрѣшеніе русскихъ историческихъ задачъ на ближнемъ востокѣ. Историческое стремленіе Россіи къ открытію свободнаго выхода изъ Чернаго моря обѣщаетъ на этотъ разъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, и это откроетъ блестящія перспективы для экономическаго развитія всего нашего юга. Именно въ этомъ направленіи Россія и можетъ получить достойную награду за всѣ понесенныя ею въ эту невѣроятно-тяжелую войну великія жертвы“¹⁾. Вотъ это называется — быка за рога. Вотъ теперь мы поймемъ, въ чемъ дѣло. Если человѣкъ прямо говоритъ: достойная награда за невѣроятныя жертвы, то онъ, конечно, сейчасъ же и объяснитъ, въ

¹⁾ См. сб. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 23.

чем состоитъ эта награда,—въ чемъ блестящія перспективы для „всего юга“ и т. д... Повѣрить ли, однако, читатель, что дальше цитированныхъ словъ въ статьѣ нѣтъ ничего, кромѣ знаменитой подписи, а выше не было сказано ни полъ-слова о „задачахъ на ближнемъ востокѣ“?. Свободный выходъ изъ Чернаго моря? Но г. Туганъ-Барановскій просто смѣется надъ обывателемъ. Вѣдь это только въ самомъ началѣ самые наивные люди пытались давать дѣлу подобное объясненіе. А теперь это давно оставлено, и не присяжному кадетскому экономисту повторять эти пустяки въ программныхъ сборникахъ. Кому же неизвѣстно теперь, что въ мирное время „свободный выходъ“ обеспечивала и Турція, обеспечить и Греція, и Болгарія, и „нейтрализація“, какъ „узкая“, такъ и „широкая“; въ военное же время его не обеспечить ни самая узкая нейтрализація, ни „полное владѣніе“, — ибо блокада проливовъ доступна самому микроскопическому врагу... Никакихъ новыхъ перспективъ развитію „всего юга“ кадетская программа не открываетъ. Великій грѣхъ беретъ на свою душу господинъ Туганъ ¹⁾.

Мы подошли къ послѣднему слову. Его нынѣ можно считать официальнымъ кадетскимъ обоснованіемъ „проливовъ“, и выше его нашему либерализму, очевидно, не удастся прыгнуть, какъ выше собственныхъ ушей. Къ нему сводятся всѣ наши жизненные интересы и насущныя потребности. „Что, собственно, нужно Россіи въ проливахъ?“ — спрашиваетъ г. Миллюковъ, и отвѣчаетъ: „русская точка зрѣнія во всей своей полнотѣ, какая была возможна при сохраненіи европейской

¹⁾ Вопросъ о проливахъ нашелъ себѣ правильное толкованіе изъ всей огромной «литературы» только въ одной статьѣ другого сборника,—въ статьѣ Р. Стрѣльцова. Если бы почтенные сосѣди не аннулировали немедленно этой работы, редакція сборника эту статью можно было бы поставить въ общественную заслугу. См. «Россія, Царьградъ и проливы». Пг. 1915.

Турціи, высказана была неоднократно передъ тѣмъ, какъ Европа взяла восточный вопросъ подъ свою коллективную опеку... Общій смыслъ ея заключается въ томъ, что Черное море должно быть охраняемо отъ входа иностранныхъ военныхъ судовъ черезъ проливы, тогда какъ русскія военныя суда должны имѣть свободный выходъ“ ¹⁾... Можетъ быть, читатель испытываетъ великое разочарованіе и скажетъ: гора родила мышъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, „гордіевъ узелъ“, запутанныя вѣковыя проблемы, роковой „восточный вопросъ“, лежавшій камнемъ на Европѣ; съ другой стороны, всемірный пожаръ, совершенно сверхъ-естественныя трудности и жертвы. И вдругъ — такая миниатюрная цѣль, какая казалась достижимой даже при сохраненіи европейской Турціи подъ коллективной опекой Европы! Цѣль „Константинополя и проливовъ“, въ пониманіи г. Миллюкова, какъ видимъ, просто на просто стратегическая. Отколь и какъ они ни заходили къ вопросу, но никакой иной лазейки въ концѣ концовъ не нашли.

Однако, пусть читатель не спѣшитъ разочаровываться упрощенностью кадетскаго рѣшенія и жалкими результатами кадетскаго „оправданія“ ближне-восточныхъ „задачъ“. Напротивъ, дѣло пріобрѣтаетъ совершенно умопомрачительную сложность, почти недоступную пониманію простыхъ смертныхъ. Вы только вникните: „война за миръ“, ликвидирующая вѣковыя „проклятые вопросы“, преслѣдуетъ конкретную стратегическую цѣль. Это, согласно увѣреніямъ г. Миллюкова, и будетъ „конецъ“. Достигнувъ этого конца и этой стратегической цѣли, мы съ гораздо большимъ успѣхомъ будемъ рѣшать проклятые вопросы и воевать за миръ. И, конечно, мы его завоеваемъ, разрѣшивъ про-

¹⁾ «Вопросы мировой войны», стр. 543.

клятые вопросы укрѣпленіемъ на новыхъ стратегическихъ позиціяхъ. И вотъ тогда ужъ окончательно наступитъ конецъ, такъ какъ рѣшеніе проклятыхъ вопросовъ будетъ обезпечено, и побѣдоносная война за миръ... Впрочемъ, мы, кажется, немного запутались: я говорю—это не всякому уму подь силу. И при томъ намъ пора съ этимъ кончать, такъ какъ стратегическія позиціи г. Милюка находятся подь прикрытіемъ особыхъ батарей. Можетъ быть, читатель ужъ самъ отыщетъ здѣсь начала и концы.

Правда, попытка не пытка. Мы можемъ обратиться еще къ одному автору—также крайне авторитетному.

Темпераментъ кн. Евг. Трубецкого—врагъ его, а особенно врагъ г. Милюкова. Кадетскій лидеръ, на второй годъ войны, напр., въ своей „внутренней политикѣ“, какъ извѣстно, залаялся цѣлью перехитрить самого себя, и ему конечно должны быть не по душѣ всякіе неосторожныя выраженія и излишнее открытіе картъ. Но, быть можетъ, намъ темпераментъ Евг. Трубецкого поможетъ хоть что-нибудь понять въ этомъ темномъ дѣлѣ. „Совершенно очевидно, — пишетъ этотъ талантливый публицистъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, — что нейтрализовать проливы, значить, создавать для насъ полную — и экономическую и политическую зависимость отъ Германіи“ (ср. точку зрѣнія Милюкова, изложенную выше)... „Сдѣлаемъ ли мы проливы нейтральными, оставимъ ли мы ихъ турецкими или отдадимъ ихъ какой-нибудь маленькой державѣ — напр., Болгаріи—все равно, мы этимъ неизбежно подчинимъ ихъ въ будущемъ враждебной намъ державѣ, т. е. Германіи... Неужели же въ результатъ той окончательной побѣды, на которую мы надѣемся, мы помиримся съ возможностью появленія у нашихъ черноморскихъ береговъ могущественной эскадры въ десятка два дредноутовъ!.. Россія должна имѣть возможность свлой оружія воспрепят-

ствовать плаванію въ тѣхъ же (Черномъ и Мраморномъ) моряхъ военныхъ судовъ всякой другой державы“.

Никакой новой точки зрѣнія здѣсь нѣтъ. Трубецкой Милюкову не противорѣчить: цѣль остается чисто стратегической, и иллюстрирована она очень картинно. Но мы ошиблись въ расчетѣ: мы не только не получили новыхъ общихъ разъясненій, но не поймемъ ничего и въ индивидуальныхъ комментаріяхъ кн. Трубецкого. Всѣмъ извѣстно, что „окончательная побѣда, на которую мы надѣемся“, должна устранить угрозу со стороны Германіи. Какими путями она подчинитъ себя послѣ разгрома турецкіе, болгарскіе или нейтральные проливы? Какая „зависимость“? Чьи дредноуты?.. Здѣсь мы ничего не поймемъ. Но все же разсужденія кн. Трубецкого сослужили намъ службу. Темпераментъ его обнаружилъ, что если мы ничего не понимаемъ, то либеральные публицисты, говоря о десяткахъ негерманскихъ дредноутовъ, отлично понимаютъ положеніе дѣлъ, сознательно скрывая его отъ несчастнаго обывателя; тѣ пропасти, куда влекутъ насъ ихъ неистовые вопли, они отлично видятъ и хотятъ превратить ихъ въ волчьи ямы, замаскировавъ ихъ покровомъ хоть и высокихъ, но нелѣпныхъ, не имѣющихъ элементарнаго смысла словъ.

Насколько недобросовѣстна, небрежна, спита бѣлыми нитками, проникнута полнымъ презрѣніемъ къ „обывателю“ вся либерально-имперіалистская „концепція“, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго разсужденія г. Милюкова. Онъ, видите ли, высказывается въ пользу „болѣе узкаго рѣшенія армянскаго вопроса“, — т. е. безъ включенія Малой Арменіи въ территорію будущей области. Оказывается, такое рѣшеніе невыгодно и опасно „съ русской точки зрѣнія“. Оно „широко открываетъ Арменію международному соперничеству,

какъ экономическому, и такъ и политическому... Связь съ Россіей неизбежно становится менѣе тѣсной. Въ то же время обязанность защищать расширенную Арменію дѣлается болѣе тяжелой. И, наконецъ, появленіе Россіи въ Средиземномъ морѣ ставитъ новыя задачи русскому военному флоту, не оправдываемыя современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли. Все это не можетъ не отражаться на отягощеніи русскаго плательщика, совершенно непропорціонально выгодамъ, которыя Россія можетъ непосредственно извлечь изъ такого расширенія своей сферы вліянія¹⁾... Не правда ли, нѣкоторыя раціональныя соображенія г. Милюкову въ принципѣ не чужды? Какъ же хватило у него... смѣлости—не направить всѣхъ этихъ простыхъ аргументовъ по собственному адресу или, по крайней мѣрѣ, не приложить всѣхъ усилій къ доказательству ихъ непригодности для „ближняго востока“? Какъ же у тончайшихъ дипломатовъ не хватаетъ на столько осторожности, чтобы немного лучше прятать отъ обывателя свои волчьи зубы за своимъ лисьимъ хвостомъ? Какъ у всѣхъ у нихъ не хватаетъ совѣсти настолько, чтобы воздержаться отъ выступленій съ такимъ багажемъ въ такой моментъ и въ такомъ дѣлѣ?..

* * *

Мы обозрѣли длинную цѣпь аргументовъ, познакомились съ „идеологіей“ войны, развитой въ нашей „лѣвой“ печати. Мы, конечно, не исчерпали всѣхъ аргументовъ, которыми лѣвыя группы мотивируютъ свое „пріятіе войны“. Въ частности, мы не остановились специально на угрозахъ территоріальныхъ уступокъ, на самостоятельной роли національно-государствен-

¹⁾ См. «Чего ждетъ Россія отъ войны», стр. 61.

наго принципа, подлежащаго защитѣ, и т. п. ¹⁾. Но ко-
свенная оцѣнка такого рода соображеній можетъ быть
ясна и изъ всего сказаннаго выше. „Война,—какъ го-
ворилъ намъ одинъ цитированный выше либераль,—
была принята и оправдана передъ судомъ неосвящен-
ныхъ сознаниемъ глубинъ личности“; въ разсмотрѣн-
ныхъ аргументахъ наша лѣвая мысль пыталась пере-
вести это рѣшеніе на языкъ разума; „идеологія“ войны
пыталась post factum представить намъ систему дѣйстви-
тельныхъ національныхъ задачъ и интересовъ. И несо-
мнѣнно, что лѣвая публицистика, философія и экономія
оказались здѣсь полными банкротами. Онѣ не виноваты,
что эмоціи застали ихъ врасплохъ, что онѣ попали во
власть головокружительныхъ событій, что онѣ не спра-
вились съ задачей, нагрянувшей на нихъ, какъ снѣгъ
на голову. Не въ этомъ они виноваты. Они виноваты въ
томъ, что, не сумѣвъ свести концы съ концами, они
не съ меньшимъ рвеніемъ бьютъ въ колокола и сзы-
ваютъ старыхъ прихожанъ подъ свои новыя колокольни.

Выше мы подробно остановились на томъ, что цѣли,
задачи и смыслъ войны были съ полной опредѣлен-
ностью указаны въ словахъ Высочайшаго Мани-
феста. Вся разсмотрѣнная „идеологія“ войны была раз-
вита лѣвыми группами уже во время войны. Но все это
„углубленіе“, всѣ эти „дополненія“, всѣ эти вновь из-
мысленныя „лѣвыми группами“ „національныя зада-
чи“—совершенно несостоятельны по существу и крайне
вредны по возможнымъ послѣдствіямъ...

Принципы, указанія въ словахъ Высочайшаго
Манифеста, идея національной обороны, охрана цѣ-
лости и нераздѣльности имперіи и ея территоріаль-

¹⁾ Точка зрѣнія автора на эти вопросы до известной степени
выражена въ статьѣ, напечатанной въ № 4 «Современника» за 1915 г.
«Переваль».

ныхъ границъ, защита политическаго и экономическаго status quo—все это явленія совершенно иного порядка. Значеніе ихъ иное сравнительно съ разсмотрѣнными выше активными національными задачами, которыя желаютъ приписать войнѣ либеральные комментаторы... Противъ принциповъ, выставленныхъ въ Высочайшемъ Манифестѣ, никакихъ споровъ быть конечно не можетъ. Они имѣютъ абсолютное значеніе для каждаго носителя національно-государственной идеи.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. (Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россіи). М. 1909 г. 414 стр. Цѣна 2 руб.

Земельная рента и основы земельного обложенія. Съ предисл. В. Чернова. М. 1908 г. 185 стр. Цѣна 85 коп.

Складъ изданій въ книжн. маг. „НАУКА“,
Москва, Б. Никитская, 10.

174 I кт. А.

